Борис ЧЕРНЫХ

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

Марине П-я.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

ВЕСНОЙ минувшего года в ярославской городской газете я прочитал о том, что продается в Даниловском районе дом, отыскал объявителя, намереваясь осесть на хуторе и дописать заветное. Помнил я обещание свое рассказать тебе — в лицах — драму, частью которой была и ты.

Дом, давно лелеемый мной, мог стать явью еще в семидесятых, когда Валентин Распутин водил меня по порту Байкал, стоял сухой полдень, стрекозы садились на плечо, в мареве тонули горы. Мы чуть было не выбрали особняк на семи ветрах, вид открывался с холма далекий и солнечный. Но притяжение Дмитрия Сергеева, писателя-фронтовика, победило тогда притяжение Распутина, избу на Байкале я не купил.

...Прошло девять лет. В камере штрафного изолятора, короткая холодные ночи, я рисовал будущую мою обитель кусочком проволоки на бетонном столе. Стол охранники окрасили коричневой краской. Слегка царапая поверхность, я чертил домок, не думая о последствиях, хотя они грянули: за порчу лагерного имущества к десяти суткам изолятора подполковник Федоров добавил еще семь. Но дело было сделано — дом с высокими окнами смотрел с бетонного стола и угревал косточки. Оно, конечно, безумие внутри ада рисовать картины радужного грядущего. Но — рисовал, но— планировал.

И вот по реабилитации весной 91 года я получил материальную компенсацию, раскидал долги. На руках осталась толика. И тут объявление в городской газете. Я отыскал Серафиму Николаевну К-ву, подавшую объявление. Оказалось, четверо покупателей уже претендуют на дом. Один, с Северного Кавказа, не торговался. Соперничая с конкурентами, он готов добавить тысяч пять.

В очередной раз пересчитал я денежку. Поставивший себя в неприязненные отношения с государством, я никогда не имел на руках таких денег — шесть тысяч! подумать только! — но хозяйка просила десять тысяч, и немедленно. При этом говорила, что там один сад в сезон окупит расходы мои.

Не показывая вида, напротив, делая вид состоятельного человека, я поехал смотреть дом. В дороге я неожиданно понял, что мои шансы предпочтительнее, и вот почему. В Ярославле, Марина, я оказался волею случая. Местный Совет объявил всероссийский конкурс на замещение поста главного редактора новой губернской газеты. Бездомный, я написал в Ярославский Совет о готовности участвовать в конкурсе, вызван был телеграммой и консервативным большинством был избран редактором. Почему консервативным, об этом как-нибудь позже. А сейчас вернемся на тракт Ярославль-Данилов.

Мы едем на «Жигулях» втроем. За рулем Сеня, зять Серафимы Николаевны. Сеня отслужил в Афганистане военным топографом. «Жигули», впрочем, и дом, на смотрины коего я еду, — двухгодичный или трехгодичный заработок Сени в фронтовых условиях.

По дороге мы чуть потолковали о том, о сем. Серафима Николаевна трудится завпроизводством в областной типографии, где мы печатаем новую газету, и кое-что обо мне знает. А благодаря союзному и местному радио, «Известиям» среди типографских гуляла неблагая весть о бывшем политзэке, и Серафима Николаевна сказала:

— Борис Иванович, если дом понравится, мы продадим его вам.

Мне оставалось только благодарить хозяев.

В Серкове, притрактовом селе, оставили мы легковушку, чтобы далее идти пешком. У Кравцовых, деревенских, я выпросил резиновые сапоги с суконными портянками. Я натянул их и был готов к путешествию. Тропа повела через льняное поле, непаханное еще, в лес, полный запахов прели и талой воды, гомоном птиц. Чем глубже уходили мы по тропе, тем все больше нравилась мне заброшенность хутора, тишина, первородство трав, вышедших из-под снега. Соперники же мои шли с явным недоумением: зачем их влекут в глухомань? И как добираться сюда зимой или в долгое ненастье, летом?

А меня заняла и стала точить диковинная дума. Убежденный противник афганской войны (разящие строки о том есть в приговоре), отбаявший за противление войне, сжимая тощий кошель, я иду в след фронтовику, который получил отнюдь не гроши за то, что вызвался добровольцем в пекло, рисковал жизнью, как рисковал и я, уходя на другую передовую; и он заработал не только орден и медаль, но и деньги, вложил в этот дом, чтобы нынче я передал ему праведные рубли за его, праведное ли, богатство. В России не заскучаешь. Но мы шли, учтиво вежливые, и каждый думал о своем.

Внезапно лес расступился, поля в золотой стерне возрадовали глаз. Вскоре на покатом холме черно увиделись крыши двух или трех изб. С тоской подумал я — вспомнив лагерные мечтания — какую из старых изб суждено купить мне, чтобы, не мешкая, копать огород, а по вечерам сидеть у стола.

Украдкой я посмотрел на афганца. Он симпатичен, Сеня, с матовым белозубым лицом, с синими глазами. У меня родилось ощущение отцовское: парень давно понял, в каком тупике пребывал он, и вырвался из тупика невредимый, зарубки на сердце остались, но мир на земле, золотая стерня убегает, трубно зверь кричит из лесу посреди России, не в чужих горах...

Скоро миновали мы, следуя нижней тропой, худые дома и из-за риги и огромного древнего тополя наплыл с холма терем. Я остановился и всмотрелся. Терем тоже, но свысока, смотрел на меня. Нет, подумать не мог я, что в заброшенном селе, на отшибе может сохраниться лиственничный дворец, ни в сказке сказать, ни пером описать. Афганец оглянулся и грустно смотрел на пришельцев: зачем мы тут, на тропе, посторонние люди?

Серафима Николаевна, вздохнув, призналась:

— Кабы не даль, да еще брести от тракта, дом наш не отдала бы в чужие руки.

Чужими руками хозяйка подчеркнула жестокость происходящего.

Взяв топор, я вошел в испод, именно вошел, ибо дом на высоком фундаменте, и двери в рост ведут туда. Я простучал обухом каждое бревно, и всякий раз слышал звон. За тридцать лет грибок не подточил ни одного бревна. Затем поднялся на чердак, там стояли кадушки, набитые пухом птицы. На стропилах висели листы самосада. Я помял лист и услышал дух моршанской махорки — Ваня Додонов, с Тамбовщины, угощал моршанской на зоне.

Сойдя, не утерпел я и порылся в хламе огромного сарая, прирубленного к дому. Сарайные окошки тусклы, но скоро взгляд пообвык, я обнаружил старинные оклады, в позолоте и серебре, они красивы и тяжелы. Здесь же конская упряжь и ботала. Я потрогал — ботала издали мягкий и густой звук, верный меня на родимую улицу Шатковскую.

Хозяева затопили печь, приготовили чай. Чечен отказался пить чай, отвел меня в дальнюю комнату.

— Ти, — молвил он, — купишь этот дом? Но у тебя одна жина? И «Волги» у тибя нет.

— Волга у меня есть, — сказал я, — это у тебя нет Волги.

— Дарагой, моя «Волга» лучше. Но если ти не купишь дом, я куплю.. У меня три жины, они справятся тута. До свидания, дарагой...

За чаем мы договорились, что найду я деньги, кровь из носа.

Назавтра звоню Фазилю Искандеру. Он не отказывает мне в житейских делах, мы говорим с ним в открытую, как и положено мужчинам. Но совпало, что в Подмосковье присмотрели Искандеры усадьбу, надоело ютиться по казенным дачам, а «усадьба в Подмосковье, Боря, стоит не десять тысяч, сам понимаешь, — сказал Фазиль и добавил, — пусть они потерпят, я найду для тебя четыре тысячи. Да, а что ты решил?».

Я объяснил Искандеру, что книга, единственная в жизни моей, итоговая, выходит в издательстве «Советский писатель» к концу года, а сейчас апрель, и «дом уведут, как уводят в твоей Абхазии, Фазиль, доброго коня», — Фазиль горячо сочувствовал. Но я понял — придется пасть ниц перед другом отроческим, он предпринимать, он не откажет поди. Не отказал.

И началось обморочное лето. Опять я вернулся к самому себе, забытому, ибо взрастить огород в Даниловском уезде это не на газетной полосе приплясывать. А дожди все падают на землю, но мы то и делаем всю жизнь, что выгребаем из ненастья.

Местные крестьяне с усмешкой слушают мои вопросы, когда я иду к ним, но не отталкивают. Две беды ждут хуторянина, если верить мужикам: на картофель падет колорадский жук и пожрет ботву. А устоит ботва, и вызреют клубни, — явится вторая угроза: дикие кабаны. Испытующе всматриваюсь я в лица мужиков (не разыгрывают ли, не подтрунивают ли?), но совершая набеги в Серково за молоком, увидел стайку девчонок — посреди поля они обирают картофельную ботву цыплячьими ручонками, выносят нечисть на тропу, давят босыми ногами. Боже, оберегни хутор мой от заморской напасти!

А небо все не проморгается, все плачет, и на капусту села тля. Пытаюсь согнать оккупантов раствором золы, но не тут-то было. Тогда вдруг припоминаю — на чердаке у меня табак, и догадываюсь, зачем. Лезу на чердак, снимаю табачные листы, запариваю. Я надеюсь настоем самосада выжить тлю, и что же — на ночь глядя тля уходит неизвестно куда, а поутру облепливает гряды еще гуще вчерашнего, издевается надо мной.

В отчаянии пришел в Некрасовскую библиотеку, поднял документы за прошлое столетие, попутно вычитывая любопытные приметы былого, и отыскал варварское свидетельство: даниловские мужики побарывали тлю... керосином. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Да нравственно ли применять против тли ядерное оружие? Не лучше ли отступить, сдаться на милость природы? У нее свои установления, свое дыхание, негоже вторгаться в природу произвольно. Притом злополучный керосин-то был, наверное, кондиции почище нынешнего.

Но ноги все равно влекут на рынок, к лавке, где покупаю я бачок горючего. Завидев дворец мой, вздыхаю, ибо понимаю кощунственность поступка, но омерзительный вид нашествия подзудил испробовать забытый дедовский способ: я наливаю плошку жидкости, нюхаю — Россия ты моя, не избыть тебе керосиновой горечи — подношу к нежным листам капусты, закрываю глаза, выплескиваю на гряду, мысленно осеняя капусту знамением...

А клубнику видимо-невидимо осадили лягушки. Со школьных лет я помнил, что нормальные земноводные не едят домашней ягоды, но то нормальные земноводные, а ныне, в десятом поколении, плодится порода советских лягушек. Впрочем, когда вызреют на огороде красные виноградины помидор (сорт «тамбовский», скороспелые), и вороны станут воровать помидоры, мне придется признать, что Октябрьская революция возымела действие и на ворон. Стало быть, и вороны у нас советские, говоря языком ленинградского репортера — «наши».

Но по утрям к овсяным просыпям выходит лосиха с лосенком, стоит по грудь в тумане, краем поля крадется лиса к помойке, по ночам слышу трезвон (картофельный участок увесил я гирляндами консервных банок, обнаружив запас банок в сарае), выпроваживаю палкой кабанов, явились, не запылились, — жизнь идет на закат, Черных, но это и есть жизнь, а не та, что гнала ты в городских коридорах. И если каждый из нас, русских, вернется домой, не подворье, если вспомнит себя в грушевых аллеях сада, — то благо.

Демократы тщатся наладить бегущий день, но бегущий день пришел из ночи минувшей. А в той ночи я хочу видеть, пусть призрачно, лики пращуров, и доподлинно надо мне знать, кого выбрал в жены прапрадед Яков, и почему на второй срок станичники не избрали деда моего Василия атаманом. И зачем второй дед, Митя, привез из-за Аргуни китаянку, уж не затем ли, чтобы потом, на рубеже тридцатого года, рассориться с советской властью впрах и уйти за кордон?..

Дом и хутор пробросили тропу в минувшее. Я поиному увидел себя, лицо частное. Но оставалась не частной боль моя за Россию; и русскую партию — а в ней мои деды и прадеды — увидел я из глубины. На страницах «Российской газеты» в июле сказал я вот что:

«Мы подошли к краю, а за крайней чертой надобны конструктивные усилия. Стенания надоели. Но прежде чем взять в руки мастерок, следует определиться в чертежах и планах. Однако коллективное сознание начинает протестовать в очередной раз. Утраченная соборность нации, более прокламируемая, чем вживе существовавшая, принуждает сословия и классы, партии и движения патриотически подбочениваться, и всяк кричит, что только едиными усилиями вытащим мы Россию из болота.

Так ли это? Мне представляется — сумма вопрошаний, скопившихся в усталом обществе, подводит к другому выводу: в час военного лихолетья можно отстоять Отечество сообща. В нынешних обстоятельствах надобны частные усилия частных лиц. Крамольна эта мысль, но, полагаю, последовательное ее воплощение вернет — нет, не государству — Левиафану, не правителям, а прежде всего каждому из нас утраченное достоинство.

На чем строилось достоинство человека в нашей стране недавно? «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза — читайте, завидуйте, я гражданин Советского Союза!» — фальшивый пафос (а пафос обычно фальшив) строк Маяковского очевиден, и горе государству, возомнившему себя поборником свободы, на корню подсеченной постулатом общности, в принципе невозможной. Ибо там, где лицо не имеет материальной силы быть частным лицом, там быстро процветут и утвердятся обезличенность и бесчеловечность. Подлинная же общинность, полагаю, не размывает, а возвышает личностное.

Частная жизнь, воплощаемая по частным, пусть даже и несовершенным, чертежам частного лица, способна к воспроизведению ценностей, о которых не принято думать в тоталитарном государстве. На первое место среди этих ценностей следует поставить частную собственность.

Зная, что мы слабы и ходим на помочах великих, посмею и я сослаться на Александра Исаевича Солженицына, но цепочку он тянет оттуда, из дореволюционных времен.

«Нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина» (П. А. Столыпин). «Независимого гражданина не может быть без частной собственности» (А. И. Солженицын).

Чтобы поддержать голос, идущий из Вермонта, мы дали возможность на страницах провинциальной газеты высказаться лучшим ее авторам, но поступили при этом скромно — пошли следом за создателем трактата «Как нам обустроить Россию». Мне довелось подвести черту под этим недежурным разговором, я назвал итоговую статью «Возвращение к ладу». Но опубликовав «Возвращение к ладу», вдруг подумал о риторичности моих и наших посылок. И вот почему. Из положения лиц, умеющих строить фразу и сочинить статью о нравственном долженствовании, собрать бы силы и перейти в лица, созидающие дело.

Слово, разумеется, тоже дело, если это слово сильное или изысканное. Но можно поступиться словом, хотя бы временно, если обстоятельства позволяют вернуться к собственной елани (деляне) или в подеревную.

Сподобился я добыть кусок земли уездной вместе с домом, чтобы купить дом, пришлось влезть в долги. Но опоздал, кажется, и я взять должное в нынешний сезон. К тому же весна в Верхнем Поволжье отстояла с тяжелыми дождями.

Легко говорить: «Обустройство России надо начинать с себя, со своей деляны, с избы или хутора», но трудно и тяжко воплотить это в жизнь, тем паче, если чиновник, воспитанный в лоне чудовищной государственной машины, не умеет быстро вырешить в пользу частного лица положенное этому частному лицу. И пока с державных трибун раздаются голоса обанкротившихся идеологов, зовущих пойти туда, не зная куда, найти то, не зная что, мы будем пребывать в межеумочном состоянии.

Образованцы, возглавившие многие Советы в глубинке, все еще и мысли не допускают о том, что русский должен стать собственником и, следовательно, частным лицом. Да оно и понятно, в частной собственности есть главная оборона свободы частного лица. Давно замечено, сколь претенциозны нищие наши сограждане (нищему иного и не дано, как носить нищую свою особость). Частное же лицо, владеющее собственностью, просто и мудро в движениях.

Человек, получивший возможность стать частным лицом, независим в достоинстве своем, — у него, и у семьи его обеспечен тыл, у него есть куда отступать в час невзгоды»...

«Куда отступать в час невзгоды», — так назвал я свой Манифест, но, публикуя его, запамятовал о горьком опыте Гарина-Михайловского, прекрасного русского писателя, но и путейца-инженера отменного, и земледельца. В качестве земледельца уважал я Гарина особо и сопереживал ему, когда внял страшной угрозе: завистливые глаза следили за писателем, едва сел он на землю, и свели на нет все усилия остаться вне борьбы политических партий.

Всегда наличествуют силы, коим неугодны ни наше достоинство, ни база этого достоинства (собственность), — и темные силы ждут часа, чтобы нанести удар, по возможности, смертельный... Но в тот день, когда «Российская газета» опубликовала мой противоречивый документ, я оказался вдали. Амурский войсковой атаман Георгий Шохирев позвал на казачий Круг. Отказать Шохиреву я не мог, голос его — голос малой родины, скромный, но необыкновенно и близкий даже в далекости его. И две великие русские реки — Волга и Амур — сошлись в моем сердце, когда самолет поднял нас с братом во Внуково и понес над истерзанной Россией.

С атаманом мы тоже говорили о земле и, дети провинции, о глубинке, о свойствах нашего мировосприятия. Вот и Георгий Николаевич стал настырно требовать, чтобы я рассказал о себе, коли катком проехал по нашей фамилии жестокий век. И опять я вернулся, Марина, к давней надежде твоей — не промолчать о пережитом, исповедаться. Однако Шохиреву я отвечал: «Э, погоди, дай окопаться на хуторе, душе дай отойти от волнений дня»... — тщетные надежды. Страшный удар подстерегал меня у Волги.

(Продолжение следует).

И страждут озими от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

Что же происходило и происходит с нашим обществом, с нашими людьми! Сегодня редкий из нас останется равнодушным к этому вопросу. Писателя Б. И. Черных, потомка амурских казаков, он мучает уже давно, еще с той поры, когда честные ответы были не в честь. В 1966 году за письмо очередному съезду комсомола «Что делать! Некоторые наболевшие вопросы нашего молодежного движения» он был исключен из КПСС. В 1982 году за создание «несанкционированного» Вампиловского книжного товарищества арестован госбезопасностью и пять лет провел в неволе как политзаключенный.

В Борисе Ивановиче меня поражает и радует удивительная сила духа, столь свойственная старой русской интеллигенции и столь редкая ныне. Ни тяготы судьбы, ни преследования власть предержащих, ни телесные немочи [следствие заключения] не поколебали его веры в истинно человеческие ценности. Их он утверждает и в своих произведениях, место действия которых — город Урийск с узнаваемыми чертами родного писателю Свободного.

В этом году издательство «Советский писатель» выпустило объемистый сборник прозы Бориса Ивановича, с чем мы и поздравляем нашего талантливого земляка.

«Амурской газете» Б. И. Черных предложил для публикации свою новую работу «Озими», которую еженедельник представляет сегодня нашим читателям. Это — откровенный рассказ писателя о времени и о себе.

Анатолий СОФИН.

СОКРАЩЕНИЕ НА ОЛЕНЯХ ЛУЧШЕ

Кого удивишь сегодня забастовками? И тем не менее весть о том, что 25 марта в 00 часов по московскому времени летный состав Благовещенского авиапредприятия готов приступить к бессрочной забастовке, вызвала немалую тревогу.

Это намерение амурских летчиков вытекало из итогов расширенного заседания совета профсоюза летного состава России, состоявшегося 11 февраля в Москве. На совещании было принято решение — последний раз выставить правительству России свои требования по всему комплексу назревших проблем, начиная от зарплаты и кончая приватизацией. Контрольный срок — 25 марта.

Итак, состоялась ли забастовка? С этим вопросом я обратился в профком Благовещенского авиаотряда.

— Нет, — последовал ответ. — Нами получена телеграмма из Москвы о том, что 24 марта состоялась встреча Хасбулатова с руководителями отрасли, профсоюзными лидерами, обсуждены выдвигаемые требования, небольшая часть которых решена тотчас. В целом же достигнута договоренность об отсрочке забастовки. Если до 15 апреля ничего не изменится, она все-таки состоится. Причем к летному составу намерены подключиться и наземные службы. Только выступая единым фронтом, мы сможем чего-то добиться.

Вашему корреспонденту также сообщили, что даже при благополучном «лобовом таране» правительства, работники местных авиалиний «выпадут» из достигнутых договоренностей, т. к. они находятся под юрисдикцией областных властей. Не будет от них поддержки — в апреле закроются аэропорты.

С. ТЮМЕНЦЕВ.

СТРОПТИВОЙ

Поведала работница Октябрьского райпо Антонина Гриценко в районной газете о расправе над неугодными. Их в первую очередь и сокращают. Под сокращение, в частности, попадает опытный, с 22-летним стажем, экономист с высшим образованием, мать двоих малолетних детей. А все потому, что не молчит, а выступает против неприглядных действий руководства. Зато пронесло тучу кадровых сокращений над торговым отделом — всего там работает 12 человек. И это при том, что товаров на прилавках становится все меньше и меньше. Правда, в одном отдел постарался: видимо-невидимо закуплено жевательной резинки. Хоть и уценяют ее, а спроса все равно нет.

Ту «жвачку» Антонина Гриценко рекомендует отправить вслед бывшему председателю райпо Рубану, свившему нынче гнездо в каком-то малом предприятии областного центра. Более четырехсот человек обратились с требованием о выдворении его с поста председателя райпо. И требование было не просто уволить, а наказать. «Пригрел» по сути экс-председатель «Волгу», купленную на деньги пайщиков. Но, как видим, отделался легким испугом.

Наша газета в конце прошлого года рассказывала о торговой вакханалии в Песчаноозерке: мимо покупателя разошелся сахар. Сход в Песчаноозерке тогда постановил: убрать с торговли завмага Степанову и директора торга Жукову. А сейчас песчаноозерцы недоумевают. Зато посмеиваются Жукова со Степановой в глаза своим односельчанам: мол, тонка кишка у вас нас сместить.

Оно и верно, ведь наказание оказалось сродни комариному укусу: лишение премии да временный перевод на нижеоплачиваемую должность.

Вот так-то! У строптивых и неугодных летят головы, а с голов нужных людей в райпо не падут и волосу упасть.

А. НОСОВ,
соб. корр. «АГ».

ОЖИВЛЕНИЯ НЕ БУДЕТ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОБЛАСТИ В АПРЕЛЕ. ПРОГНОЗ СОСТАВЛЕН 13 МАРТА

В АПРЕЛЕ 1992 года в промышленности области, так же, как и в предыдущие месяцы, никакого оживления не произойдет.

Развивающаяся тенденция падения темпов роста промышленного производства приведет к тому, что индекс физического объема произведенной промышленной продукции снизится на 32 процента и составит по отношению к уровню 1991 года 68 процентов (в 1991 году этот индекс по отношению к предыдущему году был равен 95,5 процента). Объем производства сократится почти на 1,5 млрд. рублей. Ни один город и район области, кроме Благовещенского, Свободненского и Селемджинского, не достигнет уровня производства предыдущего года. По-прежнему в Белогорске, Благовещенске, Тынде, Бурейском, Михайловском, Тамбовском и Тындинском районах падение выпуска продукции будет превышать 30 процентов.

Из-за сдвигов в ассортименте и номенклатуре выпускаемой продукции в сторону более дорогостоящих видов (зачастую не выпускавшихся в прошлом году) и снятия с производства относительно дешевых типов и марок изделий, будет наблюдаться существенное расхождение в темпах роста производства в стоимостном выражении (в сопоставимых ценах) и в натуральных показателях по конкретным укрупненным товарным группам продукции, выпуск которых осуществлялся как в текущем, так и в прошлых годах. Это расхождение, согласно прогнозу, достигнет 30—40 процентов.

Низкая дисциплина поставок наряду с медленным ходом заключения договоров на поставку продукции в 1992 году сказались на работе промышленных предприятий. Договорная дисциплина продолжает ухудшаться. Не справится с договорными обязательствами почти каждое пятое предприятие, в том числе каждое третье — концерна «Амурлеспром», производственное объединение по добыче угля, предприятия объединения «Амурхлебопродукт».

В апреле общий уровень оптовых цен в промышленности вырастет по сравнению с февралем в 2,5—3 раза. По моему мнению, поскольку повышение цен способствует получению высокой прибыли производителями продукции, то в условиях существующего монополизма у предприятий не будет стимула в наращивании производства.

В апреле в промышленности области будут продолжать расти потери рабочего времени в связи с остановками (более одной смены) производства из-за отсутствия материальных ресурсов и необеспеченности электроэнергией. Согласно прогнозу, эти остановки будут иметь место на 20—22 предприятиях, а общие потери рабочего времени достигнут почти 10 тысяч человеко-дней. Наибольшие потери в связи с остановками производства будут на предприятиях машиностроения и пищевой промышленности.

Спад производства будет продолжаться во всех отраслях промышленности области, кроме электроэнергетики, стекольной и ликеро-водочной промышленности. Сократится по сравнению с 1991 годом на 62 процента выпуск основных видов продукции.

Серьезное опасение вызывает положение, сложившееся в топливной промышленности. На 25 процентов по сравнению с предыдущим годом снижается добыча угля. Сокращаются фронты горных работ, уменьшаются мощности угольного пласта, ухудшаются горно-геологические условия. Между тем строительство Ерковецкого разреза осуществляется неудовлетворительно: за шесть лет строительства освоено лишь 30 процентов сметной стоимости. Ввод планировался на 1993 г., но перенесен на 1997 г. И будет ли он сдан — неизвестно, так как объект не обеспечен оборудованием. Поставщик — Уральский завод тяжелого машиностроения — почти не поставляет экскаваторы.

В машиностроительном комплексе в результате нарушения длительных хозяйственных связей, ухудшения материально-технического обеспечения в апреле 1992 г. будет сокращаться выпуск важнейших видов продукции.

При всей сложности ситуации в народном хозяйстве области в целом, в первую очередь, необходимы, по моему мнению, действенные меры по модернизации машиностроительного производства. Износ фондов в машиностроении составляет более 42 процентов, а в отдельных отраслях — электротехнической, станкостроительной и инструментальной — еще выше.

Сложной будет оставаться в апреле 1992 года обстановка в лесной промышленности. Объем произведенной продукции в целом по отрасли по сравнению с 1991 годом сократится на 28 процентов. Однако предприятия концерна «Амурлеспром» ожидают в апреле увеличение объемов заготовок деловой древесины и круглых лесоматериалов, что объяснялся переходом на ближние лесосеки и увеличением парка машин.

В апреле 1992 года не произойдет улучшений в функционировании строительного комплекса. Падение производства составит 21 процент.

Выпуск стеновых материалов сократится на 10 процентов по отношению к 1991 году.

Недопоставки металла самым непосредственным образом скажутся на снижении выпуска железобетонных изделий. Потребителям будет недодано их почти 13 тыс. кубометров.

В пищевой промышленности также не произойдет улучшений. Если за два месяца т. г. объем продукции снизился наполовину, то в марте-апреле ожидается еще большее снижение. Так, снижение по кондитерским изделиям произойдет из-за отсутствия сырья. Благовещенская кондитерская фабрика вынуждена останавливать линии, отпускать работников в отпуска. Производство мяса и колбасных изделий может значительно снизиться, если совхозы и колхозы сократят сдачу мяса, и если магазины будут принимать дорогую продукцию.

Критическая ситуация сложилась в текстильной промышленности из-за отсутствия сырья и квалифицированных кадров. Легкая промышленность пока обеспечена сырьем, но в связи с нехваткой рабочей силы объемы производства в апреле также будут снижаться.

С. ЕФИМОВА,
начальник отдела статистики промышленности, природных ресурсов и окружающей среды областной администрации.

Борис ЧЕРНЫХ

И страждут озими от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

(Начало в № 14).

Марина П-я.

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

БОТАНИЧЕСКИЙ САД И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Краткое содержание письма первого «Баллада о доме». Афганец продает хутор за деньги, которые политзэк получил по реабилитации. Три жены или одна? «Как уходят в Абхазии, Фазиль, доброго коня». Заморская нечисть и советские лягушки. Манифест во славу частной жизни частного лица на частной усадьбе. Темные силы ждут темного часа.

ДАЙ МНЕ окопаться на хуторе, отвечал я, прежде, чем сяду за письменный стол. Кому отвечал? Да себе, разумеется, прежде всего себе. Но сомнение точило в предощущении главной моей работы: достаточно ли далеко я отошел от переживаний минувшего, чтобы сохранить беспристрастный тон в рассказе о былом? Воспоминания вообще хороши тогда, когда не примешиваются к ним побочные цели (скажем, выставить себя перед публикой крупнее того, что ты есть, и кто ты есть), — но поэтическая истина устоит ли перед соблазном выступить еще и в одежде истины исторической? Вопросы все старые, ими задавались наши предтечи, искушаемые честолюбием.

Но когда, припертый к стене, я удалился в Ботанический сад и поставил первый опыт на земле, не думал, что мой опыт ляжет на бумагу. Задача тогда была бесхитростной — выжить. Выжить не позволили.

Начну с цитаты. Читатель свободен в выборе: читать или не читать заявление узника Красного корпуса Иркутской тюрьмы. Есть толика безумия в пожелтевших листах[1], но я не в силах переменить опознавательные знаки эпохи. Сохранилась дата написания: 2 февраля 1983 года. Мытарства восьми месяцев позади. Я возвращен по этапу из двух богаделен — Омской и Серпов. Черные розы тюремных ночей опять у моего изголовья. Гэбисты теребят за рукав, они надеются, что я ненароком оброню признание вины. Но они мучают не только меня, но и вампиловцев. Противостояние нравственно безупречных молодых людей, рожденных Ботаническим садом, и опричников длится более полугода. Дубянский и Ковалев наглеют, страна под пятой Андропова, ужесточается режим содержания в камере.

Дубянский и Ковалев, с одной стороны, и я, с другой, — мы выпускники юридического факультета Иркутского университета. Нашими наставниками были Павел Викторович Лобанов, некогда узник того же Красного корпуса, цивилист Геня Исаевич Чесник и Вадим Петрович П., тайный агент комитета госбезопасности. Однокашники, теперь мы по разные стороны баррикад. Сговорившись с Александром Нефедовым, главным оперативником тюрьмы, гэбисты ведут меня по камерам отметых уголовников, затем выдергивают (так на их языке) на улицу Литвинова.

— Ну-с, Черных, вам все еще мерещатся аллеи Ботанического сада? Подпишите вот это, и вы снова окажетесь под сенью любимого вяза...

Под сенью Ботанического сада (под сводами духовного Лицея) печаль струилась и сияла радость, — позднее стихотворение Тали Смирновой нейдет из памяти, и лица ребят наплывают сквозь ветви поникших ракит.

Под сенью Ботанического сада
(под сводами духовного Лицея)
печаль струилась и сияла радость.
От юности неистовой пьянея,
мы жили своевольно и строптиво:
любили небо, звезды и деревья,
любили книги — презирали чтиво,
и понемногу пробовали перья.
Дышалось вольным воздухом отрадно.
И в бедном романтическом жилище
свой лик запретный нам являла правда
(воистину — находит тот, кто ищет).
А в кабинетах нелюди читали
тетради наши и статьи, и письма.
И красною чертою отмечали
достоинства исполненные мысли.
И дело двигалось на загляденье споро...

Кабы дело двигалось споро... Поднявшись на верхние шконки, я вижу — сквозь жалюзи сочится слабый свет. День пасмурный, дрема окутывает. Отлежаться бы, закрыв глаза, забыть пустоглазые лица гэбистов.

И дело двигалось на загляденье споро.
И делу дан был ход. И очень скоро
вступили мы в круговращенья ада
под знаком Ботанического сада.

ВЗРАСТИТЬ сад посреди Сибири — тугоумная забота, но и в холодной Сибири культурная традиция сохранила приемы и способы насаждения садов посреди короткого, хотя и ослепительного, лета. Расчищались елани, корчевались леса, натаптывались тропы, строились заимки, торилась дорога. Подражая метрополии, русские принялись украшать быт палисадом — рядом с березой зацвела черная смородина, яблони-дички радовали глаз белым кипением по весне. Неохотно поначалу приживалась груша-уссурийка. Завозили колонисты сюда саженцы из Поволжья, но после крещенских морозов саженцы зачастую гибли. Пращуры не сдавались, они скрещивали привозные сорта с местными. Не скоро, но зацвели сады по всей Сибири — на Алтае, под Омском, у Красноярска.

Томсоновским садом прославился Иркутск, у него было и второе имя — Иннокентьевский, по названию станции, теперь это Иркутск-2. Ныне Томсоновский потерял былую осанку, и неблагодарные потомки забыли даже его имя. С первого дня следствия я опрашиваю заключенных, охранников, потом, раскрепощаясь, веду опрос среди оперативных работников КГБ, не преминул выведать кое-что у следственных, — все поджимают губы. Зэки в молчании несут отвержение и боль, а опричники, отмалчиваясь, невольно выдают тайну: отныне в сфере их интересов Ботанический сад университета.

Ботанический сад заложен в 40 году энтузиастами-биологами. Дикая дивизия, переброшенная из Забайкалья, взяла штурмом сад, но скоро солдаты и офицеры помогали голодным ботаникам чем могли. Именно в 41-45 годы сад обрел силу и широко культивировал лекарственные травы и таким образом вносил ощутимый вклад в победу над врагом. Командир дивизии построил в сосновом бору теплую избу для себя и своей пэпэжи, никак не думал он, что однажды его блиндаж возьмут штурмом отборные боевики комитета госбезопасности. Но не буду забегать слишком вперед...

Шли годы и десятилетия. Дендрарий сада втягивал в себя древесные и кустарниковые виды обширных пространств, появились и залетные породы деревьев, что свидетельствует об известном вольнодумстве ботаников. Во времена краткой хрущевской оттепели в зимних теплицах появилась плеяда субтропических растений, и пока в качестве садовника рядом с кактусами не оказался инакомыслящий мичурец, космополитические веяния биологопочвенному факультету сходили с рук...

Так незаметно, Марина, мы въехали вместе в пространное заявление, адресованное зимой 1983 года не имя прокурора Иркутской области. Ждали палачи сердечного признания в том, как я дошел до жизни такой, — уж скоро суд, а строптивый садовник упорствует в странностях своих, и надо выбить из него слово признания. Возможно, более никогда мне не доведется сказать то, что я только что сказал и скажу еще. Нелюди едва ли услышат, но написанное пером и переданное — через администрацию тюрьмы, в этом секретность хода — в прокуратуру области сохранится в архивах. Россия очнется (очнется ли?) и поднимется (поднимется ли?) — и строки мои вернутся, чтобы свидетельствовать о власти земли, да, власть земли не покинула сирого в каземате. Все прошлые и все будущие реформаторы только потому и гибли, и погибнут, что не желали и не желают слышать земли. Они пытаются поставить вместо обычая и обычного права закон, писанный умным и даже честным чиновником. Но для русских законы испокон писались землею; и смею думать: когда государство вытолкало меня за порог, оно надеялось, что, сын города, я приду в центральную котельную, там и зарплата сносная, и не эти нищенские девяносто рублей в месяц.

Неистребимо тянуло меня к земле. Примеривая, по Сеньке ли шапка, я уходил в заповедные Тулунские леса и сотворил там чудную книгу, до сих пор не могу издать ее, хотя главами она вышла в «Новом мире» и целиком опубликована в «Сибирских огнях»[1].

Однако и в Тулунском далеке чувствовал я бульдожье дыхание на затылке.

На что же надеялся я, покидая городские улицы надолго или навсегда и перебираясь в блиндаж командира дикой дивизии? — Я надеялся на огород. Вот так простодушно и скажу, утаив другую часть правды; и там они не оставят меня в покое. Значит, никакой надежды. Я был рожден родители мои под Туруханском взращивали огород тоже без тени надежды на дедушку Калинина, а позже и под Кемеровым, но взращивали, ибо установления жизни и земли сильнее установлений государственных.

Помолимся. Надежды нет. Но жить надо и тогда, когда нет надежды.

Выкосив бурьян с приусадебного участка, я заложил его в приготовленные ямы, натаскав хвороста, утоптал, затем развел костер и поднял над костром двухсотлитровую бочку с водой, довел до кипения, пролил кипятком, закрыл слоем черной земли и поднял теплицы, назавтра прямо в грунт посеял всю мелочь, но также огурцы, капусту, помидоры. Способ в холодной Сибири почти повсеместный, хотя и неподъемный для ленивого. Результат можете не любопытствовать. И учтите — для запамятовавших говорю — здесь я передаю дух и букву того заявления, что пошло сначала по коридорам Иркутской тюрьмы, добралось до Чупина, начальника, под микроскопом изучалось и сочтено безумным, ну а коли так, то и переданным беспрепятственно прокурору области...

В тот же сезон пересадил я к избушке моей сирень и сливу, чтобы окружить благоуханием усадьбу. Затем испросил разрешения у директора сада, тогда пришел сын мой Андрей с друзьями, и перенесли они ржавеющие листы жести. Я накрыл жестью двор, чтобы в непогоду заниматься плотницким ремеслом. Советов мастеровых я не чурался, но кое-что взял из забытого. Так, перебирая кирпичи дымохода и готовясь к зиме, я неожиданно открыл, что все дымоходы в печи я знал и понимал назначение Верхнего Касьяна, на Амуре Касьяном звали отвод, дававший ход дыму в сильные морозы, но начисто я потерял в дороге житейской дружбу с Касьяном. Одна осечка случилась, когда накрывали двор. Саня Лопин, один из любимцев моих, приехавший на каникулы из МИФИ (дословно — Московский инженерно-физический институт), по доверенности руководил покровом, да нижний-то лист железа положил не снизу вниз, а снизу вверх и тянул полосу до конца, кончив крышу, обнаружил сбой. С тех пор в дождь в том месте прикапывало слегка, но оказалось, что это даже и приятно — всякий раз я вспоминал милое лицо Сани. Худе без худа нет. Но знаю, какой физик получился из моего ученика, но совершенно точно знаю — человек получился превосходный, с маленькими сбоями, с осечками, и жена его думает иногда, откуда дождит и сквозняком тянет. Да все оттуда, с делян Ботанического сада, где еще мальчиком Саня работал со старшеклассниками, вместо того, чтобы мерить подоконники...

Скоро пришлось подумать о домашних настойках. Гости стали наведываться все чаще, хотелось приветить их, но крохотной зарплаты хватало на хлеб, соль, крупу да на постное масло (сливочное я в те годы исключил из рациона навсегда, скажу об этом не хвастаясь). Притом, со мной была Андреева овчарка. Она сыграет свою роль в обороне блиндажа, когда штурмовики обступят усадьбу. Чтобы прокормить огромную собаку, надобно рыбу всегда во льду держать, а с рыбалкой сорвалось. Значит, и здесь минус в бюджете: ежесуточно отдай на два килограмма минтая, или бычков байкальских, дешевая рыбешка и пустяренная, но шестьдесят копеек в день придется потратить — тако на ри, а еще мучное прикупи. О вине ли тут говорить?

Но во время инвентаризации складского имущества нашли мы с завхозом огромные бутыли из-под химикатов. Я взял бутыли в аренду, поставил под струю летнего водопровода, затем промыл щелочью, снова держал под ручьем; и ждал с нетерпением поспевания ягод и фруктов. Лучшие вина дали рябина и жимолость. В Европе жимолости нет, к сожалению. Пасечник Ботанического сада однажды сообщил рецепт времен великого князя Владимира, на меду. Мед покупал я у пасечника по малой цене и ставил еще одно, элитарное, вино, но первый заход едва не кончился смертью, да, едва не окочурился я, когда покусился на ранетовое дерево, излюбленное место дислокации садовских пчел. Александр Иванович Ижболдин, так звали пасечника, нарядил меня в маску, в маске я пришел к ранету, поставил лестницу, взобрался и стал обирать ветви, тяжелые от крупных плодов, ярких, будто маленькие солнца. И вдруг на меня напала пчела, ужалила руку. Я имел неосторожность отмахнуться и был наказан, тотчас окружили тучей пчелы, я попытался бежать, но лестница упала, я прыгнул с дерева, кисейная накидка в полете сорвалась с лица, и началось сражение. Обезумев, я мчался по аллеям сада, но пчелы настигали и жалили, жалили. Дома я погрузил лицо в бочку с проточной водой, боли отпустили, но вскоре возобновились. Я сделал компресс и забылся сном, но, яд, принятый в избытке (в малом количестве пчелиный яд полезен), сделал свое дело. К утру я стал похож на безобразного бея с неведомых тропических плантаций.

На второй год мои урожаи превзошли урожаи соседей в округе, в том числе и у садовских земледельцев, но если садовские, развращенные экологической атмосферой в обществе, кормили огород нитратами, я грамма за все годы хозяйствования не пустил в почву, результат получил двойной: земля стала платить сторицей, и ушли боли, которые давно осаждали предреберье.

Я сбил множество деревянных ящиков, сортировал полученный урожай и только затем опускал его в подвал, в подвале мы держали всю зиму +1, +2, не выше, поддержание необходимой температуры в подвале тоже входило в обязанности садовника. В мае овощи были свежи, как в сентябре. Не буду поминать, что друзья не раз пользовались моими запасами, о родне не поминаю. Родня преисполнилась почтения — она догадывалась о крепких корнях, старокозачьих, но теперь вьяве поняла, что под наш знал толк в земле. Само собой, я не испытывал нужды в пропитании, хотя и перешел на вегетарианскую пищу. Резонно спросить, хватало ли сил, чтобы корчевать сливовый участок или выгребать из старых теплиц грунт, полусгнившие торфы. И домашнее хозяйство вести, не покладая рук. Что ж, на плантациях Ботанического сада я работал не больше, но и не меньше, бедных наших алкоголиков, с тою великой выгодой для сада, что на меня круглые сутки можно положиться. Зимой, например, всегда была исправной отопительная система, снабжавшая теплом лаборатории и вечнозеленые растения.

И, наконец, я оставил город, битком набитый конформистами. Я перестал раздражать бывших друзей опростившимся видом человека, который ничего не просит, ни на что не надеется, но, кажется, ничего и не боится.

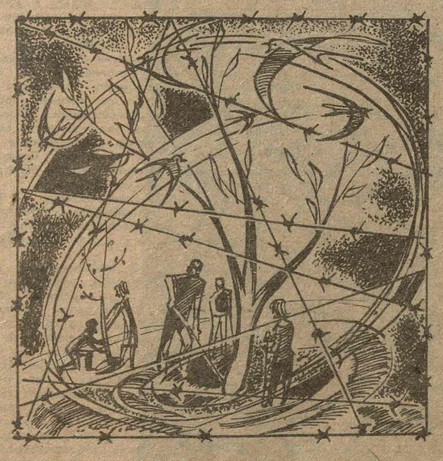
Но боли за Отечество, за невиданный этот опыт, названный социалистическим, не оставили в Ботаническом, и мне предстояло медленное умирание в провинциальной глуши. Согревало одно — в смешанном лесу русской литературы я останусь слабой веткою, но и то честь: учнести в гортани горькое дыхание березовых рощ Михайловского и тополиных околков Кутулика[1]...

Таким патетическим, да, впрочем, и безумным, заявлением на имя Н. С. Речкова, прокурора области, отправленным из камеры следственного изолятора, я прощался с отжитым и взрывал мосты туда, куда в злом отчаянье они собирались ставить меня: за рубеж. Еще недавно в запасе у гэбистов была психушка, но Омск и Серпы перечеркнули надежды опричников.

ОСТАВАЛИСЬ — этап и лагерь. И тихие, с глазу на глаз, беседы с Христом. Мысль моя западает, я боюсь забыть рассказать Тебе об одной тонкости, постигнутой мной также в застенке. Глебушка Твой едва ли в Лефортове имел возможность поставить похожий опыт, хотя задача у него и у меня была единой: устоять, — но слишком разными были условия содержания под следствием. Когда я окажусь сам в Лефортове, покоем повеет на меня. А здесь я вынужден длить редчайшую и смертельную пытку распознать лицо врага. Жестко — врага, но точно. О, я еще не раз отступлю, оступившись, еще не раз, исполненный милосердия к врагу, буду жалеть их детей, чье будущее они приговорили сами, и говорить не устану об их чадах малых, в сиротстве по миру бредущих, и никому не признаться в том, что отец твой палач. О, горе нам, в эти дни забыли мы о страшном сиротстве детей, чьи отцы мечутся по стране, и никто не приветит их. А удалиться в сад они не смогут, сады исторгнут палачей. Такая тонкость заключалась в страшной ранимости этой «железной гвардии Феликса», в умопомрачительной их сентиментальности. Они взяли абсолютную власть в стране, оседлав Россию, и это мы должны чувствовать безнадежность и слышать прощальную музыку. Но что-то надломилось в лицах палачей весной 1983 года, или в обществе всеобщее презрение обняло их, — лица их мечутся, они начинают пить люминал прямо в кабинете. Или по своим каналам они уже получили весть о том, что их вождь смертельно болен, и завтра...

Но мной заявлена тема Ботанического сада. Удалимся, покули возможно, на его деляны. Невольно одергиваю себя: удалиться — не слишком ли громко сказано? В Европе, будучи недовольным общественной жизнью, есть возможность уйти от дел, стать частным лицом, панегирик в адрес которого я имел наивность высказать ранее. В Соединенных Штатах литератор уходит на Уолденские пруды, сидит бирюком, пестуя неприязнь к городу — никого не интересует Генри Дэвид Торо, пока не напишет он «Уолден, или Жизнь в лесу», но сравните мое и его бытование на обширных пространствах, и вы поймете, что там его частная жизнь — норма, здесь моя — героизм, хотя в герои я не подавал заявки. По всем ходом дней, течением самоотверженных лет я попадаю в изгои; и чтобы не скомпрометировать себя, приятели бывшие, теперь они на разных ступенях социальной лестницы, на всякий случай обходят меня на улице; они боятся быть замеченными рядом с обездоленным и бросить тень на свою репутацию. Так уход в Ботанический сад положил сразу черту между мной и Валентином Распутиным. Поэт Сергей Иоффе стал мистически бояться, что я однажды попрошу у него в долг, а отказать он не сможет хотя бы потому, что богат, и знает, что я знаю о его богатстве, сделанном и за мой счет, ибо мои рукописи, более сильные и страстные, отвергаются издательством, а его, слабые и и индифферентные, печатаются книга за книгой, и оттого в глазах Сергея Иоффе стоит всегда горестная поминальная свеча по мне.

Нас многого лишили. Но когда лишают права уйти в скит, в спокойное, почти благостное отвержение, в Ботанический сад с его несомненной духовной наполненностью, — что же делать, Марина?



Но представь, я принял решение остаться на городских улицах, в обществе прокаженных решил прикинуться прокаженным тоже. Режим стерпит меня? Не поперхнется одежкой моей, запахом редьки и незлым, но прямым словом?

ОДНАЖДЫ осмелился я нарушить заповедь номер 1 и пришел в Иркутский союз писателей, в роскошный особняк на улице Степана Разина. Мне захотелось одним глазком посмотреть на живых писателей, приехавших из фашистской страны. Одичавший в саду, я думал о том, как они прорвались сквозь таможни Португалии, и что ждет их по возвращении — каменоломни, садовничество, или даже и в садовники не возьмут. В общем, мне понадобилось увидеть людей, более стойких, скажем, чем я, и преисполниться мужества стоять и далее. Португальские писатели, не оглядываясь по сторонам, что тоже выглядело удивительным (я сразу представил Иоффе или Марка Сергеева, они непременно осмотрят аудиторию, примеряясь на ту степень правды, которую не опасно отмерить для слушателей и для себя, и в обтекаемых словах, поэтическими метафорами, сомнительными хотя бы потому, что заготовлены заранее, исправят должность трибуна), не оглядываясь по сторонам, португальцы сообщили: «Мы находимся в оппозиции к режиму Салазара», — и далее последовала смешная перепикировка. — «В открытой или потаенной оппозиции?» — «В открытой». — «Вы говорите о неприятии режима в частных речах?» — «Мы издаем журнал и газету, разумеется, и говорим, не только в частных, но и публичных речах». «Ваш журнал распространяется по негласной подписке, из-под полы?» — любопытство распирало нас («нас» — слишком обязывающе. Скажу точно — меня и Дмитрия Сергеева, и, кажется, был Федор Боровский, прозаик, так и не принятый в Союз писателей русской партией, ибо по отцу Федор еврей).

— Наш журнал и наша газета продаются на улицах Лиссабона с лотков, чтобы народ мог покупать открыто то, что мы считаем нужным сказать народу, — запомнил я ответ.

В фашистской стране они имеют возможность не только удалиться, но и остаться, и прежде всего остаться самими собой. Мне не дали остаться, и я удалился, чтобы в уединении быть самим собой, — этот невинный лепет провинциала.

Ботанический сад всегда был учреждением полузакрытым. Вторжение артиллерийской дивизии в войну не в счет. Когда Александр Вампилов в пьесе «Прощание в июне» привел сюда юного Колесова, драматург не успел понять полузакрытости сада, но в столь молодом возрасте Вампилов понял полузакрытый характер системы, не терпящей открытых, здесь уместно сказать славянски-открытых, натур. И ректор университета положил изгнать одаренного ботаника Колесова. Действие пьесы, в том числе на делянах нашего сада, происходит на рубеже 50—60х годов. Именно в те годы изгнан из Иркутского университета юный Леонид Бородин. Нежели будущая 70-я статья УК РСФСР провиделась ему в той знаменитой 70-й аудитории, где сходились мы на общие лекции по истмату или политэкономии? После Бородина университету на берегу Ангары уже не пребывать без жертвоприношений. Но я плохо знаю замолченную старшим поколением череду арестов и гонений в дохрущевские времена.

Пройдет немного лет, из стен университета с волчьим билетом выпроводят филолога Геннадия Хороших (Ректор Бочкарев произнес тогда историческую фразу: «Университет не нуждается в Хороших», — и аудитории заполнили, не скажу, плохие, но поникшие и притравленные, с потухшей искоркой в глазах). Прошла эпоха, ныне один из признанных столпов демократического Иркутска, — Геннадий Константинович Хороших. Но чтобы сохранить себя, ему довелось десять лет простоять у бурильного станка. Зато теперь он ходит по городу с поднятой головой. И, скрадываясь, скользят как тени предавшие некогда Хороших, ныне подались в демократы и делают вид, что не помнят о том публичном изгнании одного из лучших студентов ИГУ.

ТРИ ректора университета Рогов, Бочкарев и Лебедев по эстафете спешили донести в органы на Юрия Шервашидзе, светлейшего князя абхазского. Замолчу пока подробности гибели светлейшего (душу Искандера травить не хочу — он мальчиком был разлучен с Юрой Шервашидзе)...

Когда впервые я пришел в Ботанический вместе с учениками — а случилось это, дай Бог памяти, в 76-м — мог ли я догадываться о катастрофе, которая настигнет нас? Мог. Но выбора не оставалось, и мы пришли по найму на лето, готовили под озимые дальние участки, выпалывали гряды, а вечерами у палаток читали вслух Лескова и репетировали сцены из «Гамлета», Саня Лопин играл принца Датского (а принцы должны ли уметь работать кровельщиками)?

Удушье мучило нас. Отголоски борений, связанных с мощной позицией Твардовского и руководимого им журнала, с жертвенным поведением Солженицына, тлели под слоем золы. Драматический и театр юного зрителя ставили Вампилова, но «Утиная охота» лежала под спудом. Выпавший из эпохи Зилов преподал бы со сцены урок дискомфортности: каждого, кто не примет условия общепринятой игры, ждет ...утиная охота, где «страждут озими от бешеной забавы» и будит лай собак»... — но не дубравы будит лай собак, а политзаключенных на зоне.

Замысел «Озимей» вырос из лая сторожевых собак.

А теперь вернемся опять в Ботанический. Я помянул мимоходом директора сада. Фигура его загадочна. Михаил Васильевич Курочкин окончил некогда с отличием географический факультет Томского университета и в описываемую эпоху был уже изрядно уставшим человеком. Но был неизменно кротким с научными сотрудниками сада и со мной; тогда я начал разгадывать и разгадываю поныне: почему госбезопасность сделала ставку на всеми презираемую женщину Галину Б-ц и отступилась от Курочкина? Ах, сколь неучтиво вопрошание мое! Слышал бы о моем вопрошании сам Курочкин. Мы проводили с ним часы в беседах и чаепитиях, до основ мироздания никогда не поднимаясь, чувство меры у директора сада было превосходное. Выживет ли японская вишня, зимой теряющая половину ветвей? Возможно ли к корневой системе сосны привить саянский кедр (оказывается, столь странный опыт заложен в дендрарии)? Озимый чеснок, созданный неукротимой фантазией Толи Королева, устоит ли в нынешнем феврале? — суменичая, мы бормочем у печи или в котельной. Но в кротком взоре Курочкина я прочитываю деликатный вопрос: «Выживешь ли ты, дружок, на корневой системе Ботанического сада? Озимый ли ты по характеру?».

(Продолжение на 12-й стр.).

[1] Я получил к ним доступ в 1990 году и переписал в здании областного суда, куда 10 томов моего «Дела» перекочевали из подвалов Иркутского КГБ после реабилитации.
Автор.

[1] № 8, 1988 год, «Новый мкр»; №№ 7, 8, 1989 год, «Сибирские огни».

[1] Кутулик — родина А. В. Вампилова.
Прим. ред.

СЛОВО ДРУЗЕЙ

В октябре 1991 года в Амурскую область с дружеским визитом приезжала группа писателей из провинции Ляонин Китайской Народной Республики. В Благовещенске гости посетили областной краеведческий музей, областную библиотеку, Выставочный зал, встретились с членами общества советско-китайской дружбы, студентами Благовещенского педагогического института, изучающими китайский язык, амурскими литераторами, выезжали в село Марково и Дом отдыха «Бузули».

Предлагаем читателям нашей газеты несколько стихотворений китайского литератора Лю Чу-Чуна в переводах амурского поэта Станислава Демидова.

Лю Чу-Чун

Лю Чу-Чун родился в 1941 году в уезде Линь провинции Хэнань. С 1958 года работал в культурно-просветительной сфере. В 1960 году был направлен в армию в Дунбэй. Впервые опубликовал свои стихи в 1961 году. В 1986 году демобилизовался и переехал в Шеньян. В настоящее время работает в редакции литературной периодики Ляонинского отделения Союза писателей. В Китае печатались его сборники поэзии «Высокий обрыв», «След печати», биографические очерки «Рассказы о Дун Цюньжуй» (в соавторстве) и ряд других произведений.

Стихи поэта Лю Чу-Чуна из сборника «След печати».

ЧАСЫ

Стрелка моих маленьких
часов
Черепаху мне напоминает.
С зайцем я себя сравнить
готов,
Что ее повсюду обгоняет.
Но она, упрямая, ползет.
Как устал я от ее погони!
Отдышусь, опять спешу
вперед,
Но она догонит,
перегонит...

СОЛНЦЕ

Неуничтожимая надежда,
Ты сегодня в сонме облаков,
Завтра засияешь вновь,
как прежде,
Станет снова на душе
легко.
Ты порою иссушаешь реки,
Губишь хлеб, деревья и
цветы,
Но благодарю тебя
вовеки:
Ты — источник жизни,
только ты.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Только вамыл в небеса,
Все забыл, что тебя
вознесло:
Руки, чьи-то глаза,
Нить и ветер, и чье-то
чело.
Ты парил величаво,
глядел свысока,
Ты был властен и
непредсказуем,
И дорога была далека,
Но ты стал на свободе
безумен,
Вот упал — просишь
милость руки
И от нити ждешь утешенья,
И сочувствия ветра с реки,
Только нет тебе больше
прощенья.
И попробуй теперь
поднимись
В эту даль, в эту синь,
в эту высь!
...Ах, ты, бумажный
змей!

Борис ЧЕРНЫХ

ОЗИМИ

(Продолжение. Начало на 8—9-й стр.).

Иногда я угощаю Михаила Васильевича рябиновым вином, он махонькими глотками пьет из тонкого фужера и спрашивает-утверждает: «Дар к домашнему укладу потомственный у вас, Борис Иванович? Или привнесенный бурями? Чудное вино»... Накануне ареста директор приходит затемно, ждет у калитки (смущаясь, он как-то сказал мне, что мой дом прослушивается), протягивает пачку чая с жасмином, молча и медлительно смотрит в лицо и уходит. Грустный вестник беды, не могущий изменить хода событий. Но после ареста Курочкин делает заявление в саду о том, что придет день, «и все рухнет, как карточный домик». Галина Б-ц вспрыгнула тотчас: «Это настроение, чуждое для советского Ботанического сада?» — и читатель припомнит к месту, что где-то слово это слышал. Напомню. На плантациях первого Письма мной открыта советская лягушка. Пришел черед советским кедрам.

Михаила Васильевича уволили из директоров под смешным предлогом — в нетрезвом состоянии он бродил по грушевой аллее, полная луна сияла над садом, и Курочкин повторял: «Все рухнет, как карточный домик». За карточный домик уволили.

А Королевы, а братья Королевы все окапываются в Нахаловке. В майские праздники той трагической весны Анатолий Королев царски одарит меня клубнями черных гладиолусов, я высажу клубни в открытый грунт, за неделю до вторжения непрошенных гостей гладиолусы выбросят вверх траурные стрелы, но во время тотального обыска гэбисты вырвут гладиолусы из гнезд и оставят умирать на грядах.

Королевы пришли в город из Куйтунского района. Не ломая шапки ни перед кем, они задумали взять Иркутск осадой. У братьев оказался могучий дар оседлости. В Глазковском предместье, на отшибе, где паспортный контроль ослаблен, они высмотрели участок заболоченной земли, огородили бросовыми прутьями и принялись творить дивные дела: от угольных котельных стаскивали шлак, собирали битый кирпич, железные патрубки, проволоку. Затем братья привезли цемент — на цемент потратились — и в десять дней возвели шлакоблочные стены, накрыли горбылем, чтобы в дождь вести работы. Не успев оштукатурить комнаты, поставили к зиме русскую печь, вмазали в нее котел, вварили трубы. Морозы застали юных братьев в теплой большой конуре, по ночлежкам уже не придется скитаться. Когда же я пришел в званые гости, они принимали меня в дому, отделанном по всем правилам искусств: стены покрыты листвяком, листвяк они прижгли для красоты паяльной лампой, пахло магнолиями. В кадках у окон цвели магнолии. Шторы на окнах. Плафоны струят мягкий свет. На столе в горнице кринка с парным молоком. Фантастика? — Для обленившихся городских мужиков, что ныне стонут по России, оно и фантастика. Но разве не фантастика мое выживание с 90-рублевой зарплатой посреди ледяных пространств Сибири?

Рядом с домом братья построили в два этажа теплицу, стены и потолок закрыли ломаным, бросовым же, стеклом, от домашнего котла пробросили трубы и стали круглый год брать свежие овощи. Младший из Королевых Алексей договорился с рестораном «Арктика», к дому подкатывал УАЗик и забирал у Королевых в январе зеленый лук, редис, огурцы по ресторанным, разумеется, ценам.

Заболоченный огород Королевы забросали камнями и сверху навезли суглинка, помешали с навозом. Устойчивые урожаи помидор стал брать на этом нелепом огороде селекционер от Бога Анатолий Королев. Да будет врать, скажут чалдоны, помидоры не вызревают в Сибири в открытом грунте. Так, соглашусь я. Но Толя проделал одну операцию — при посадке ронял стебли к земле, и вповалку помидоры стали вызревать на корню.

Осевшая в Нахаловке по соседству семья устроила натуральный обмен: Королевы снабжали соседей овощами, получая взамен парное молоко; корову и молодняк соседи держали втихомолку, когда приходил участковый, запаивали его сливками.

Тоскуя по открытой жизни, я убегал порой к Королевым. Всякий раз меня угощали молоком и никогда вином или водкой. А вы, господа, говорите, что Россия погибнет. Пока есть в России братья Королевы — будет стоять Отечество наше, только бы не мешали народной жизни идти своим руслом, по своим обычаям.

Но не одними Королевыми славен Ботанический. Пятого марта 1982 года сотрудник Иркутского КГБ Кононов получил сообщение, написанное ботаником сада Галиной Б-ц: «В разговоре с А. Королевым, Б. И. Черных высказал мнение, что земля должна находиться в частной собственности», — канун драмы. Создатель озимого чеснока Толя Королев пока не догадывается, что попал в поле зрения тайных служб. А под арестом я открыл, что оперативная служба комитета ведет расследование, как попал в коллекцию Ботанического сада северо-американский серебристый вяз, сомнительный одним происхождением своим, именем своим опасный...

(Продолжение следует).

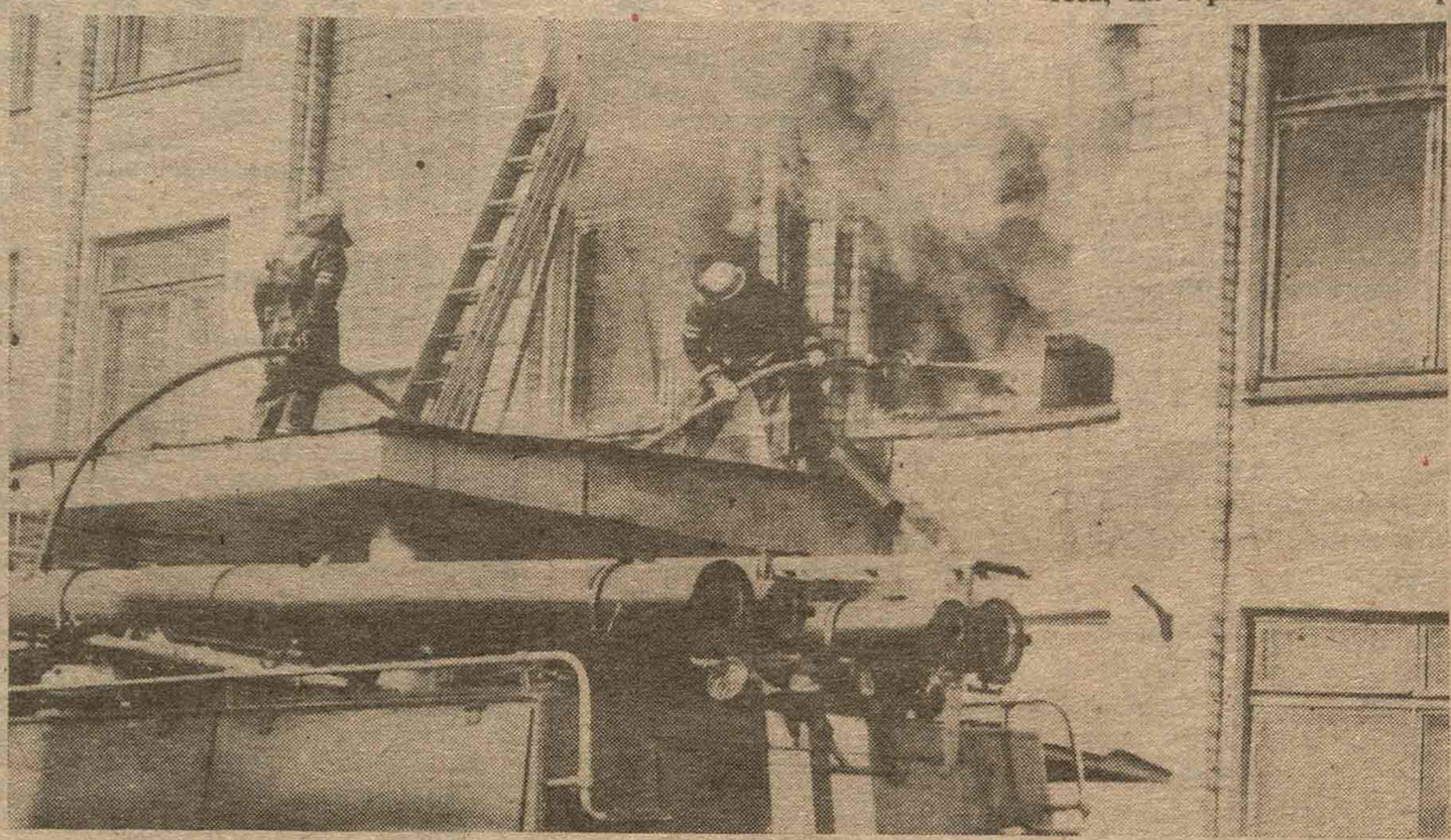
А МЫ ПОЖАРНЫЕ-ВЫСОТНИКИ...

РЕПОРТАЖ

17 апреля пожарные службы России да, наверное, и других стран СНГ отметят свой профессиональный праздник. Какие бы перемены ни проносились над нами, пожары никаким постановлением не отменить, а значит, кому-то и бороться с ними нужно.

Сегодня положение пожарной охраны так же сложно, как и других служб, отраслей нашей страны: старое оборудование, недостаточное финансирование, невысокие заработки. Кое-где даже поговаривают о забастовках. Но то на словах, потому что совесть и профессиональный долг не позволят им поставить свои интересы выше общественных — несмотря ни на что тушить будут, работать в дыму и огне. Как, например, на ликвидации пожара, который вспыхнул в помещении педучилища № 3 в 1990 году. Момент ликвидации пожара вы видите на снимке. Тогда людей пришлось эвакуировать из горящего здания (снимок внизу).

Не дай Бог что-то подобное произойдет в одном из высотных домов, которых в городе уже десятки. Высота такая, что новейшая автолестница не достает до крыши. На снимке запечатлен момент учений пожарных в гостинице «Зея». Присмотритесь, на верхние этажи перекинуты штурмовые лесенки — другого пути спасения может и не быть. Вспомните недавний страшный пожар в одной из гостиниц Санкт-Петербурга. «Зея», конечно, уступает в размерах, но пожарную тревогу там объявлять приходится не так уж редко.



Глаза и уши пожарных — диспетчерская служба. За пультом диспетчер самостоятельной военизированной пожарной части № 2 Наталья Ретунская (снимок вверху).

Фото В. ТОЛСТЕНКО и А. ЛУНИНА.

Интерклуб «на колесах»

Цикл концертов для корейских рабочих — тружеников совместных и арендных предприятий, действующих в аграрном секторе Приамурья — провели артисты областной филармонии. «Интерклуб на колесах» побывал у полеводов и строителей в Тамбовском, Михайловском, Ивановском, Октябрьском районах.

Участников концертной бригады Юрия Алиева, Валерия Шибалова, Людмилу Купцову, а также самодеятельных артистов из областного центра повсюду ждал теплый прием благодарных зрителей. В программу концертов, наряду с танцами, русскими народными песнями, вошли и национальные песни, исполнявшиеся на корейском языке. Организаторами декады «Амурская музыкальная весна», проведенной под девизом «За мир, дружбу и сотрудничество», стали областное общество российско-корейской дружбы, Амурский дом мира и дружбы, корейская компания «Рынрадо».

А. ДМИТРИЕВ.

Борис ЧЕРНЫХ

И страждут озимы от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

(Начало в № 14).

Марсель П-Я.

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

ТЕМНЫЕ СИЛЫ

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Краткое содержание второго письма, названного «Ботанический сад и его обитатели». Дикая дивизия спасает сад. Можно ли русскому удалиться в скит. Медовуха времен великого князя Владимира. Оппозиционеры из фашистской Португалии. Озимый чеснок Анатолия Королева. Почему под наздором оказался северо-американский вяз?

* * *

В САМОМ деле: почему? Под гласным и негласным надзором в Иркутске находились Сперанский и Лунин,— Сперанский исполнял обязанности губернатора края, — поляки и Петрашевский, князь Кропоткин и в наши дни князь Шервашидзе. Но под надзором северо-американский вяз..?

Когда я вернулся с зоны, первым делом навестил Ботанический сад, чтобы убедиться, не сбежал ли серебристый мой. На месте. А вот дом и усадьба снесены ураганом...

В 1978 или 79 году чекисты праздновали 60-летний юбилей организации. Они сняли нарядный зал в городе, там до октябрьского переворота заседала Дума, по пригласительным зазвали множество гостей, отмеченных безусловной лояльностью. Разумеется, сошлись здесь — в открытую — респектабельные доносчики, это был их день.

Заигрывание КГБ с Валентином Распутиным подошло тогда к роковой черте. И областное руководство повелело во что бы то ни стало призвать лауреата Государственной премии на 60-летие, и Распутину вручили, с расшаркиваниями, пригласительный билет. Размыслив Валентин решил, что слишком одиозным будет появиться ему, деревенщику, среди стукачей, и доложил мне, как бы отчитываясь в вольнодумстве, что не окончательно-де покинуло оно его. Я и раньше замечал, что он прибегает ко мне, будто к волевой опоре. И если просил я его не делать опрометчивого шага, Валентин из вредства (а характер у него настырный, не уступающий моему) все же поступал иногда наоборот, зато после соглашался: «Ты оказался прав, не следовало вступаться в затею».

Сейчас, упреждая мое пожелание, он сказал, что на слет стервятников не явится. «Хотя,— сказал, усмехнувшись, Распутин, они не ударят в грязь лицом. Первоклассные книги будут там продавать». Книги оставались нашей страстью, впрочем, Распутин имел побочный доступ к книгам.

— Если на то пошло, за книгами могу сходить я, — сказал я. Мы переглянулись и рассмеялись. Молодость еще собирала отжинки в нас, и я смотрел на Валентина как на великолепный экземпляр стихийной породы, он тоже отдавал должное моей нестреноженной натуре.

В урочный час я был у театра музыкальной комедии. На входе дежурили бравые прапорщики. Я протянул глянцевый билет, рысьи глаза скользнули по билету и скользнули по моему лицу. Но я носил пушистую шапку и, входя с морозной улицы в помещение, снял очки, этого оказалось достаточно, чтобы молодые прапорщики не признали меня. Далее предстояло пройти в гардероб, снять пальто и шапку и таким образом предстать разоблаченным перед публикой. Не сорвалось бы намерение мое добраться до лотков в фойе и посмотреть книжный развал. Я охотился тогда за «Вечерними огнями» Афанасия Фета. Дважды я видел «Вечерние огни» на черном рынке, но цены кусались. Авось, повезет здесь.

Я разделся и прошел в танцзал, заполненный декольтированными дамами и мужчинами в вечерних костюмах. Приоделся и я в приличествующий моменту пиджачок, поношенный, зато вельветовый, и в накрахмаленную рубашку с галстуком.

ЛОТКИ стояли развернутыми, но я застеснялся сразу обнаружить истинную цель моего проникновения на маевку, да и не хотел подавить искушения прогуляться по расфранченному фойе. Но, чтобы насладиться забытой светской аурой, пришлось надеть очки. И опять, как намедни с Распутиным, я хохотнул, ибо явление Робинзона Крузо прямиком с необитаемого острова под райские кущи выглядело комичным, если не сказать крепче. Но Саня Вампилов не просто одобрил бы нашу затею, а и восхитился бы: яркая драматургия события наличествовала здесь и грозила взорваться непредсказуемым финалом. Персонаж попал в волчье логово, и выводок закрутит сейчас карусель: позволить Борису Черных видеть в лицо отборную гэбистскую агентуру недопустимо. Хотя, с другой стороны, позвали бы отщепенца, допустим, в Скотланд-Ярд, там, в респектабельном обществе, неужто я был бы нежелательной персоной? Но страх пропитал общество и прежде всего тайную полицию. Среди самих опричников крепло убеждение, что они заняты непристойными делами. И фарс с 60-летием Г. Б. задуман в качестве малой компенсации за моральный и невосполнимый ущерб, испытываемый опричниками денно и нощно. Это все равно, что палачу платить премиальные, затем звать еще и на палаческий пикник в связи с юбилеем Робеспьера (или Бурбонов, в зависимости от обстоятельств). Но я знал и другое — стервятники не ждали меня на свой пир, поэтому одноактная пьеса имеет шансы быть сыгранной.

Любопытствуя, я прошел к буфету. Э, да они сыто устроились! Заливной омуль, телячьи языки, красная икра. Болгарские и румынские вина и коньяк, почему-то грузинский. Сладости стоят прямо на столиках, и Робинзон Крузо присел, чтобы попробовать на язык пирожное. Шоколадное пирожное тает во рту. Я запиваю его можжевеловым соком. Во время трапезы открыто смотрю на сливки иркутского общества. Есть лица не без телесного приятства, о духовном приятстве не рискну говорить.

К моему столику подсели два юных лейтенанта в парадной форме с золотыми позументами. Они надкусили пирожное, стрельнули восторженно друг в друга глазами и празднично, почти рождественски посмотрели в мое лицо. Я улыбнулся им. Но один из лейтенантов поперхнулся, опустил карее око, снова поднял, вперившись в меня, и сказал приятелю:

— Коля, прости, я сейчас, — бдительное сознание сработало, лейтенант узнал меня, видимо, по фотографии (наподобие тех фотографий, что расклеиваются милицией «Их разыскивают органы правосудия», портрет мой запущен в ряды КГБ). Ну узнал да и узнал. В конце концов эти пирожные я не украл, я заплачу за них, допью, не торопясь, можжевеловый сок. Интересно, в Ботаническом у нас есть можжевельник? Земную жизнь пройдя до половины, кажется, заблудился и я в можжевеловом лесу...

НА СВОБОДНЫЙ стул за столиком приведен еще офицер, этот смотрит в глаза мои с прямой и активной ненавистью. Я встаю, чтобы расплатиться за яства на чужом пиру. Краем глаза вижу; троица встала и следует за мной. Я протиснулся к богатому лотку, простреливая книжный развал взглядом, нет ли «Вечерних огней», и увидел Александра Блока. И слава Богу: если здесь Александр Блок, ничего дурного со мной не случится. Я поднял двухтомник Блока, но смотрел в зал. Считанные минуты остаются в моем распоряжении, я куплю «Записные книжки» и буду читать в саду, чтобы внять можжевеловым истинам. Я протянул деньги прелестной лоточнице. Сконфузившись, девушка отвечала:

— Простите, но нам запретили продавать книги сейчас. Только после торжественного, — ох, и здесь дела из рук вон плохи: они боятся, что верноподданная публика разбредется, и зал окажется полупустым.

Но, слушая вполуха ответ маркитанки, с А. Блоком в руках я внятно услышал вкрадчивый шепот:

— Борис Иванович, как вы оказались здесь? — по тональности, по фистуле шепот был ведомственным.

Я ответил бодрым шепотом:

— Пришел на праздник.

— Вас пригласили? — снова тихохонько.

— Да, у меня пригласительный билет.

Пауза. Но снова:

— У вас, Борис Иванович, не может быть пригласительного билета на наше торжество.

— Отчего же? Ваше торжество — торжество народное, значит, и мое тоже.

Опять заминка. Три офицера, оставляя Робинзона Крузо в полукольце, отправляют четвертого за инструкциями. Мы стоим вольно, я листаю Блока, но смотрю в фойе. Толпа утончается, звенит призывная трель — публику приглашают в зал. Как на киноленте, я вижу множество примелькавшихся лиц в городе, некоторые узнают меня и немедленно отворачиваются, застигнутые врасплох моим явлением. Наконец, на дальнем плане я вижу полковника Анатолия Ивановича Степаненко, заместителя начальника областного комитета госбезопасности.

— Если Степаненко возжелает ухода моего, я, пожалуй, уйду,— говорю я румяным офицерам, издалека наблюдая старинного приятеля-неприятеля.

Степаненке докладывают диспозицию и приносят ответ: «Анатолий Иванович настоятельно просит вас оставить театр».

Театр военных действий.

— Что-то неблагополучно, ребята, в государстве Датском, — преоткровенно вздыхаю я (Саня, «Провинциальные анекдоты» твои не игрались с большим блеском на сцене, нежели въяве играем мы. — Друг мой по комсомолу всегда был рад приветствовать меня.

— Вы не верите нам, Борис Иванович? Что ж, полковник Степаненко даст понять издалека, что он настаивает на вашем уходе.

Словно на батальном полотне, но где фигуры вдруг ожили и задвигались, я вижу: к полковнику подлетает нарядный адъютант, докладывает наглое условие ретирады и отодвигается, высвобождает лицо Степаненки для — теперь это удивительно точно прозвучит — для моего лицезрения.

Симпатичные, в ямочках, жандармские щеки полковника пунцевеют. Ну, сыграй, сыграй, такова твоя доля, сизый. Уж много лет мы знаем друг друга, и всю-то жизнь ты занят не жизнью, а ролью сохранить добродетельную мину при жизни. И вот сейчас карьеру твою низвожу я к зыбкому рубежу, завтра получишь ты державный выговор за сегодняшний прокол. Но что сделал бы я на твоем месте? Я подошел бы, сказал, протянув руку: «Рад видеть тебя, Борис. Проходи. А, ты хочешь купить «Записные книжки»? Да ради Бога. А посмотри, здесь есть и «Избранное» Вампилова. Ты оказался прав, предрекая ему славу, а я зря выпытывал у тебя о настроениях драматурга. Клянусь, дурного я ему не хотел. Ты не веришь мне? К уходу Вампилова мы не имеем никакого отношения. А вот — Гарсиа Лорка, «Романс об испанской жандармерии», чудная мелодия. Купи! Впрочем, покупаю я и дарю тебе. Знаю, рано или поздно ты, Боря, поднимешься, тебя будут печатать союзные, не провинциальные, журналы. Хочу, чтобы пылинка не омрачила нашей дружбы»...

МОНОЛОГ прерываю. Холодное лицо функционера КГБ перекашивает гримаса, он вздымает очи и разводит пухлыми ладонями: «Прости, — говорит с другого конца сцены, но молча, — мы должны расстаться немедленно и теперь навсегда. Ты невозможно живой человек. Мы не договаривались, что ты будешь таким живым. Мы всех уже усмирили в Иркутске, и только ты»...

Офицеры выводят меня из парадного к экипажу. Черная «Волга». Я отказываюсь сесть в машину.

— Не бойтесь, Борис Иванович, — сочным голосом басит старший лейтенант,—шофер подбросит вас до дому с ветерком.

Я сдаюсь. Не трястись в трамвае, а там еще в гору пешком, и холод собачий на улице.

Но водевиль они доигрывали завтра и послезавтра. По всему городу начинается поиск лица, которое посмело передать пригласительный билет антисоветчику. Распутин, надо отдать должное ему, молчит. Удалившись к озябшим деревьям в саду, молчу и я. А Иркутск в эти дни высвобождается от страха. В редакциях газет, на телевидении, в театрах, в университете стоит негромкий смех, врачующий души. Смех сопровождает оперативные действия наличного состава Иркутского комитета госбезопасности, брошенного на розыски пригласительного билета. Отголоски трагикомедии друзья мои приносят под кроны соснового бора, и мы тихо радуемся: расстормошить холодный сон сограждан, вернуть им улыбку—и то дело. Я не в силах одарить прозой читателей, к издательству не подпускают меня. Телячьи языки и заливной омуль дать иркутянам не в силах. Но народ жив, пока смеется. Конечно, Степаненко считает неподобающей живость народа, но нашелся чудак, задевший за душу, и душа очнулась...

„ТЕМНЫЕ СИЛЫ» — назвал я письмо третье. Да где же они, темные силы? — скажет читатель. — Уж не эти ли напыщенные офицерики? Этот дурак-полковник?

Первый допрос А. И. Степаненко, тогда в звании капитана, учинил мне в 1966 году. Пять лет жизни остается Александру Вампилову, еще нет у Вампилова российской известности, и исход в частную жизнь предощущается гипотетически (Зилов в «Утиной охоте» кричит, надрывая душу: «Только там чувствуешь себя человеком», — там, на безлюдье), но мы задыхаемся в одиночных камерах своих квартир. И главный вопрос А. И. Степаненки, тайного шефа интеллигенции, о Вампилове: что пишет он? Вижу ли я в будущем, и каким вижу, Александра Вампилова? — вопросы смутили меня. Ссорится с ведомством я не хочу и готов сказать о лояльности. Но Вампилов?! Быть может, я тороплюсь посадить его на божницу, куда поднял давно Леонида Бородина.

Воздавая должное юному Вампилову, я не мог тогда предположить, что через пятнадцать лет молодежь Иркутска сойдется и назовет свое товарищество его именем, а Санины пьесы войдут в сокровищницу отечественной драматургии, а меня — по ветреному свею — поведут за созданное Вампиловское книжное товарищество. Но почему в рождественские дни 1966 года вопрос Анатолия Степаненки столь одиозен? Или прощупывается готовность к компромиссу? Гэбист знает, что песня моя спета, да. Исторженный из обкома комсомола и молодежной газеты, иду я по чиновным этажам с безнадежным персональным делом о фракционной деятельности.

Стоило ли всесибирского грома письмо в адрес XV съезда комсомола? Соблюдая традицию, письмо я назвал «Что делать? Некоторые наболевшие вопросы нашего молодежного движения». Единственный крамольный тезис письма содержит призыв делегировать треть ЦК партии от молодых коммунистов страны. Дерзкая и сильная ветвь придаст

Центральному Комитету устойчивость от ожирения и будет способствовать реформистской смелости. Напомню читателю; Алексей Косыгин замышлял тогда перевести союзную промышленность в жесткие условия действующего, а не прокламируемого, закона стоимости. Свержение Никиты Хрущева сошло с рук Брежневу и Суслову еще и потому, что обещана экономическая, базисная реформа.

Сочинить пылкое письмо немудрено. Письму необходимо придать статус официального документа, конституировать его на областной конференции. Я беру на себя риск и договариваюсь с комсомольскими деятелями Братска, Ангарска, Иркутска. Начало моей биографии.

И все же почему шефа 5-го отдела КГБ интересует — еще на взлете — Александр Валентинович Вампилов? Отгадка пришла позже и оказалась простой. Однажды в компании московских интеллигентов Саня в полемике неосторожно проговорил замысел будущей «Утиной охоты»:

— Солженицын написал о том, как в предельных обстоятельствах человек остается человеком. Я хочу написать о другом — умирает, задыхаясь на воле, человек, полный сил и брожения токов, но сломленный необъяснимой усталостью... — Саня, Саня, прощаясь с иллюзиями 70-й аудитории, как опрометчив ты в открытости своей.

Об этом признании Вампилова рассказал мне прозаик Игорь Минутко. С Игорем Минутко бродим мы по Одессе после просмотра в Русском драматическом театре Вампиловской пьесы «Прощание в июне». Что занесло нас в Одессу? На дворе 1973-й год. Мы оплакиваем уход Сани и понимаем — нам придется писать и воспоминания о нем.

Упреждающий удар по художнику готовится исподволь, и мутноватая ухмылка на лице Степаненки сопровождает допрос. Что же делаю я? Неразумный, я бросаюсь в атаку, называя Саню надеждой русской литературы и «не трогайте его, Анатолий Иванович, если не хотите запятнать себя», и гэбист удовлетворенно пыхтит сигаретой (или беломориной, тогда он задымливал меня беломориной), позывные сходятся в узел: Вампилов потенциально опасен, и надо остановить его.

Это был заговор против литературы. Мутные лица заговорщиков вереницей тянутся из прошлого, я всматриваюсь лишь в самые одиозные.

Так будем свидетельствовать. Дадим возможность историку будущего по моим протоколам нарисовать портреты современников, с кем об руку пришлось обживать провинцию и умирать в провинции.

НЕ ЗНАЮ, по чьей инициативе в канун ареста моего А. И. Степаненку перебросили в Монголию (и что он там делает, не умея связать двух слов на чужом языке? За посольскими сотрудниками следит?), и подполковнику Г. С. Дубянскому вменили засучить рукава. Вернемся в кабинет Дубянского...

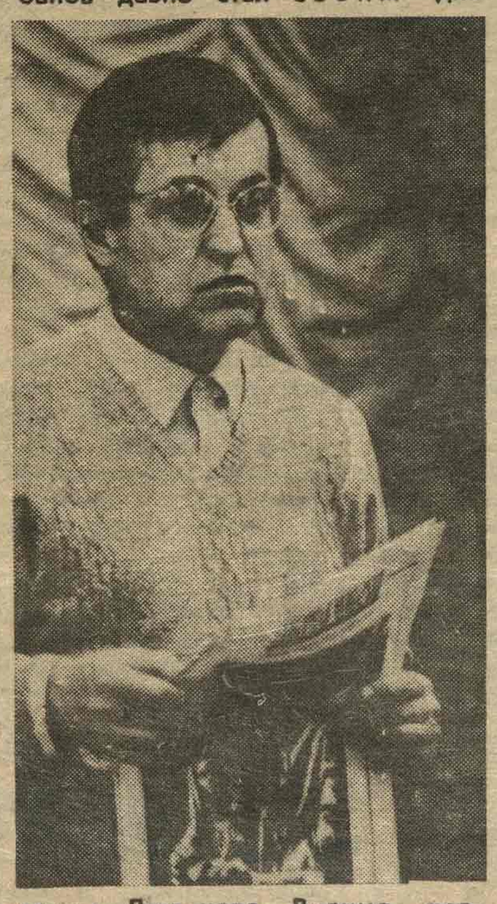
Мы пьем ритуальный чай перед допросом. Я сижу за отдельным столиком, столик привинчен к полу, чтобы подследственный не мог бросить в подполковника или в окно (а окно выходит на улицу Литвинова, иркутяне, обремененные тяжкими заботами, шествуют по улице.

Дубянский ищет педагогические подступы ко мне, и я прошу его рассказать о себе. Оказывается, мальчишками мы приходили в летние дни на Урийскую барахолку — туда, где идет высокое и печальное действо урийских рассказов моих — я, чтобы вдохнуть воздух свободы... В сталинскую эпоху барахолка таила в себе сокровенные искры свободы... Дубянский, из состоятельной семьи, приходил сюда за покупками, которые могли мне только присниться. В 1949 году за рыболовные снасти дяди Ильи я выменял двухлитровую кринку соевого масла, а мальчику Дубянскому купили велосипед с красными шинами. Как, подпрыгиваю я, велосипед с красными шинами, один на весь Свободный, был тогда у старого еврея Гольдфейдера.

Земеля ты мой.

Потом Дубянский поехал в Иркутск, чтобы стать студентом юридического факультета. Выбора у Дубянского (и у меня несколькими годами позже) не было: от Тихого океана до Томска единственным университетом был тогда Иркутский. И слетелось сюда орлиное племя Бородиных и Хороших, Вампиловых и Распутиных. Стервятники слетелись тоже.

Второй следователь косноязычной скороговоркой говорит о себе: «Следователь ОВД», — на скорости из ОВД[1] получилось по Юрию Домбровскому: «ОВОД». Правда, прозвище «Овод» в «факультете ненужных вещей» дают сломленному в борьбе и ставшему осведомителем арестанту. Овод Владимир Ковалев, росточка махонького, с комплексом физической неполноценности, но крепкий боровик, выучился, как и мы с Дубянским, у Пертцика и Ческис (Лобанова выжили с юридического быстро, это тоже довольно странная история — Лобанов давно стал своим для



улицы Литвинова. Видимо, противобрежневские парадигмы Павла Викторовича отозвались на страдальце). В 1987 году потерявшие страх однокашники Овода расскажут мне: Ковалев по затемненности ума, стесненного к тому же нежеланием лишний час провести в губернаторском доме (в резиденции Муравьева-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири, размещена Научная библиотека университета, колыбель провинциального младогегельянства), невероятно обидчив и злопамятен. Упертый в азбучное, он боится воздуха абстракций. И то, что из сотен сотрудников разбухшего аппарата областного КГБ именно Ковалеву выпало стать Оводом, знаменательно. Да позвали бы Юрия Шаманова, отозвав с поста начальника Братского отделения госбезопасности (кровушки попортил братчанам циничный и умный Шаманов), или Николая Гудкова, уполномоченного по Политехническому институту. На самый крайний случай доверили бы особый участок Юрию Гуртовому, стременному коню, это Гуртовой переполошил весь Иркутск поисками пригласительного билета, и Гуртовой же искал компромат на северо-американский вяз в Ботаническом саду,— но выбрали в Оводы попугая. Бедная Россия, бедная провинция. Но терпи, садовник, вслушивайся в дурацкие речения, на ходу не забывай и Овода допросить, да не дерзи ему, боком бы не вышла дерзость.

КОГДА Овод косоруко представился подследственному в досточтимом своем качестве, я сделал демарш: письменным заявлением вызвал прокурора области, явился Н. Ф. Луковкин, зам. прокурора по надзору за КГБ. «Проводите ли вы, Николай Федорович, — спросил я, — инструктаж со следственной группой? Если проводите, почему Владимир Иванович столь неумел в обращении с подследственным? Почему он грубит? Почему задает глупые вопросы? Вот пристал, зачем женщины чистили дворик от снега. Что ж, по сугробам ходить было?».

Н. Ф. Луковкин отвечал гримасой: «Да где мне взять другого ОВД? А если я найду доку, все равно он Канта не читал и Ленина цитировать на память следом за вами не сможет». — «Зачем же затеяли дело, если сил нет на него?». — «А я его затеял? Они его и затеяли!». — «Требуйте, чтобы не шел напролом, и тогда мы сочиним повесть, потомки взахлеб читать будут». — «Не воображайте много о себе», — проворчал зам. прокурора области и ушел раздраженным. Результат? Овод сник, стал покладистым, да ненадолго, глупость родилась раньше Овода, сорвался он скоро на истерический крик и угрозы: «Иносказанием мы не позволим заниматься вам, не на симпозиме», — я поправил его: «Не на симпозиуме», — через десять минут в наручниках меня повезли из КГБ в тюрьму, там держали в грязном боксе, вырешивали степень мщения, кару определяли, затем вели по долгим вонючим коридорам и втолкнули в камеру, где ждали меня рецидивисты с полосою лба такой же узкой, как у Ковалева, с хищными глазками.

— Ну ты че, — антисоветская рожа, — вопросил убийца, шедший на вышку за расчленение трупа любовницы, — че ребят наших мучаешь? — невольно я рассмеялся. Дурная игра всегда вызывает у меня смех. Странно, смех мой вызвал симпатию у оголтелой компании. По-своему это объяснимо: они, получив указания и инструкции, ждали страха и паники с моей стороны, а тут на тебе.

— Мужики, все наоборот, — сказал я. — Это ваши ребята отпетые антисоветчики.

— Че говоришь! — вскричал атаман. — В КГБе антисоветчики? — Отпетые!

Они посмотрели друг на друга и задумались, наконец, вожак осторожно сказал:

— А кто ты есть? Комиссар че ли?

— Угадал, Василий Иванович. Меня в дивизию к тебе направили комиссаром.

— Че ли Фурманов?

Он самый.

Истосковавшиеся во вестям неординарным из мира законного, господа уголовники искали забвения, и я оказался находкой для них, патриотические настроения только мешали убийцам вникать в простые истины, принесенные политическим, пришлось потратить несколько уроков, чтобы перевоспитать мужиков. Но вожак ворчал, держал роль Чапаева, пытался назидать и сказал решительно в конце: «Не меня, а тебя надо подвести под вышак». «А тебе самое время научиться петь «Варшавянку», — отвечал я ему.

СВИДАНИЯ же наши с Оводом не приносили радости. «Почему у нас ничего не получается? — сожалеючи, задавал я вопрос Ковалеву. — Андропов уволит вас. Все-то у вас невпопад; и скучно, и угрюмо. Иль вы «Казаков» не читали?

И Овод попался в очередной раз:

— Антисоветскую литературу не употребляю, — я было рассмеялся, но затем открыл, наконец, что, действительно, русская литература разделена им на советскую и несоветскую, и Овод здесь неизбывно оригинален. Но как тогда прочитывает он советскую литературу?

— Владимир Иванович, а «Пир Волтасара»[1] вы изучили вдоль и поперек? Согласитесь, у строителей социализма были славные вожди. Нынешние в подметки не годятся прежним. Сталин понравился вам в «Пире»?

---

[1] ОВД — следователь по особо важным делам.

[1] Глава из романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема».

(Продолжение в следующем номере).

ДЕЛА АГРАРНЫЕ

ДУМЫ ЛИПОВСКИХ ЖИВОТНОВОДОВ

В БЫТОВОЙ комнате Липовской фермы колхоза «Приамурье» собрались животноводы и повели такой разговор:

— Что творится в России — не поймем. Производство парализовано, цены космические, разрушается быт, уклад деревенской жизни, культура, а вот бывшие теневики процветают. Буквально на глазах у всего мира набивают себе карманы купюрами. И никакого сладу с ними. Вот буквально вчера какой-то делец привез пиво в село. Ведрами «отоваривались». Попробовали «напиток» — натуральная вода. По сорок с лишним целковых выбросил каждый на ветер. Да таких надо в три шеи гнать.

— У нас на ферме работать некому, — сказал средних лет мужчина, а посмотрите, сколько развелось посредников, которые закупают продукцию и перепродают в несколько раз дороже. Если не будет производителей, то отпадет надобность и в биржевиках.

— Что верно, то верно, — подхватил сидящий рядом парень. Тем малым предприятиям давать «зеленую улицу», которые производят картофель, овощи, зерновые, другую продукцию. И оказывать им помощь. Но, похоже, этим по-настоящему не занимаются. А разве можно, не имея техники, говорить об увеличении производительности на полях и фермах? Помыкается, помыкается крестьянин и бросит. Сколько таких уже разочаровалось в «прелестях» новой реформы.

Заботы и боли у липовцев во многом такие же, как и в ряде других хозяйств. Острая нехватка кадров, нарушения технологической дисциплины выводят специалистов из равновесия. Зоотехник Н. И. Васильева прямо заявила:

— Не могу спокойно говорить с теми, кто срывает дойки. Несколько раз предупреждали Татьяну Пьяникову о том, что ее группа остается без присмотра, теряем продукцию, губим коров. А с нее как с гуся вода. Нарушала дисциплину, нарушает и сейчас. Сил уже нет уговаривать, убеждать.

Успокоившись, Надежда Ивановна продолжала:

— Работать в животноводстве нелегко. И наши проблемы, кроме нас самих, никто не решит. Правительству, по-видимому, не до нас. Вот построили в селе баню, магазин — хорошо, а как дальше развивать строительство, оснащать фермы оборудованием? Наше хозяйство хоть и рентабельное, но особо не развернешься. Дикие цены «съедят» все миллионы.

Да, цены стали словно акулья пасть. Все метут на своем пути. Вот и задумались хозяйственники, фермеры. Основные средства производства эффективно не используешь. Стало быть, приостановится выполнение строительных программ. И наверняка в ближайшее время селянам не придется справлять новоселье в новых школах, домах быта. Да и не так просто теперь сдать под ключ жилые дома, построить телятник или свинарник.

Развал ценообразования пошел тогда, когда объявили о начале псевдоперестройки. Но особый крен произошел за последнее время. И не удивительно, что оказались у разбитого корыта: продукции — кот наплакал, зато все товары обкручены лентами непомерных цен.

И вполне резонно животноводы Липовки спросили:

— Будет ли остановлен беспредел ценовой либерализации? И по-прежнему мы будем находиться под налоговым прессом? Государство обязано позаботиться о фондируемых материалах для деревни. Иначе рынок захлестнет всех в мутную воду, из которой не каждый выйдет сухим.

За годы долгой перестройки не произошел сдвиг в формировании пропорций между производителем-промышленником и производителем-селянином. Конфликт зашел так далеко, что никто не знает, как найти компромиссное решение. Говорят: «Все поставят на место рыночные отношения». Возможно, но потребуются годы, чтобы привести в соответствие затраты на производство и норму прибыли. Пока существует дефицит, вряд ли наведем порядок в экономике. Если так, то крестьянину долго придется таскать ведра в коровниках.

— Не подумайте, что мы расписались в бессилии. У нас в целом коллектив здоровый, работоспособный. В прошлом году от каждой коровы получили 3500 килограммов молока. А дать бы нашим буренкам побольше сочного корма, то удои можно довести и до четырехтысячного рубежа. Вот где резервы! А нас под корень режут промышленные предприятия. Плохое оборудование выпускают и, еще раз повторю, до полнейшего абсурда довели цены.

— И кто у вас отличился в прошлом году? — спросил Васильеву.

— Таких много. Это доярки Ирина Михайловна Савелова, Александра Егоровна Гамзова, Галина Васильевна Семилетова, Зинаида Ключникова, Фатима Агаева, Анна Кириченко, скотники Александр Шумейко, Иван Токарев, Сергей Пузаков, Анатолий Долгов. Слова признательности хочется сказать и в адрес Е. Д. Жупиковой. Екатерина Дмитриевна на пенсии, но не усидела дома. Помощь нам оказывает очень существенную.

Нет, крестьяне голодными не будут. Верно заметил один из мужиков:

— Если есть руки и ноги, и работает голова, то не страшны ни черт, ни дьявол. Ну а кто ленится, на аркане в коллективе держать не намерены. Время для бездельников безвозвратно уходит. Такой упрек в адрес тех, кто игнорирует трудовую дисциплину. И касается это вас, Татьяна Пьяникова. Вам дали возможность исправиться, оправдать доверие своих товарищей праведным трудом. Пока с вашей стороны сдвигов нет. Хорошенько подумайте, ведь уговорам есть предел.

...Экономическая реформа поставила очень много вопросов, а ответов нет. Будем все же надеяться на то, что восторжествует здравый смысл, стабилизируется обстановка. Этими думами живут липовские животноводы, полеводы. Они крепко поработали в прошлом году, и нынче не намерены сдавать позиции. Селяне хотят жить и работать так, как там, за границей. И оплата за труд должна быть соответствующей — не миллионы просят, а чтобы на пропитание и одежду хватало, машину иметь, мебель приличную. Вот и все. Не так уж и много. Крестьянин заслужил большего.

Г. СОПОВ,
Тамбовский район.

Борис ЧЕРНЫХ

И стражду озими от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

[Начало в № 14). Маряне П-й.

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

ТЕМНЫЕ СИЛЫ

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

(ОКОНЧАНИЕ)

— Сталин мне повсюду нравится, — отвечал Ковалев. Но, сообразив, что я вывожу разговор на любимого мною Искандера, чья рукопись взята при аресте, зло мигнул и стиснул зубы. Оказалось позже — в приговор эта раблезианская фреска Фазиля Искандера не вошла. Несчастная потуга скрыть от читателя вакхический портрет мудрейшего вождя всех времен и народов смешна и нелепа. Но, будучи под арестом, я узнал от Овода, что Комитет каждый год в декабре празднует день рождения Сталина. И не наш ритуальный чаек пьется на сталинском дне рождения. Солдатская шинель, жесткая койка, неприхотливость в пище поминаются каждый раз хаижеским, от сталинской скромности ничего не осталось в сем логове. Внезапно однажды подступило затмение, я потерял сознание, считанные минуты спустя оказалась рядом врачиха. Когда я пришел в себя, упрекнул следователя по особо важным делам:

— У Комитета, оказывается, своя медсанчасть, с лучшими врачами, с лекарствами, которых на воле не добыть простым смертным.

— За вредность должны быть и условия подходящие, — получил в ответ.

— А у Сталина вредности что ли не было?

— Слушайте, заткнитесь вы со Сталиным! — сорвался Овод. — При Сталине вас давно увели бы в подвал.

Еще открытие. Расстрельный подвал, под зданием КГБ и МВД, находится здесь же, в средостении улиц Литвинова и Дзержинского. Замаливаются ныне вернуть этим улицам старые имена, а зря, зря. Да той же улице имени Феликса куда возвращаться? Она называлась именем графа Кутайсова, затем Арсенальской, затем Льва Троцкого. Нет уж, снизойдите, современники, оставьте в топонимике Иркутска тяжелые знаки эпохи.

—М-ДА, — итожил скоро мой поединок с Оводом генерал С. С. Лапин, — нашла коса на камень.

Генерал привезен в область новым секретарем обкома партии Ситниковым. Практика опробирования. На милой родине моей, в Амурской области, та же история — Первый (Шарин) привез областного еще в Приморье гэбиста В. М. Клещина, чтобы жить с КГБ в обнимку. Так и здесь: Василий Иванович Ситников шага не делал без закадычного друга, и когда бежал в Монголию, в так называемые дипломаты, издали посматривал в Иркутск, пытался вытребовать Лапина к себе, но пришел черед бежать Лапину — в Москву, под крыло Крючкова. Шарин с Амуре прятался и спрятался под зонтик Лукьянова, в Верховном Совете. Но и Лапин и Шарин выгоду соблюли — в столице их ждали квартиры и дачи, и, что немаловажно, забвение темных трудов. Ситников же завез на Байкал и судью карманного, В. Чернова, все восьмидесятые годы Чернов вел в Иркутске политические процессы, а Лапин об руку с Ситниковым на встречах с народом, в огромных аудиториях, соответствующе комментировали процессы, призывая массы к бдительности.[1]

Итак, решено подследственного привести к Лапину: то ли ему не терпелось посмотреть на жертву, то ли воодушевить котел следователей длонью покровительственной.

Я всмотрелся в Лапина. Портрет изобличал человека из народа. Крупное лицо, крупные руки, замедленная реакция уверенного в себе человека. Либерализму Степаненки хребет сломан путиным. Именно после этой встречи произошел надлом в мировоззренческой ориентации Распутина, и горожане будут долго гадать, что сотворено с писателем и кем, будут ходить слухи о том, что некие уголовники избили его в подворотне собственного дома. Но драма оказалась непредсказуемой: именно он, будучи не в себе, нападет на веселую компанию и падет к ногам шпаны, врачи спасут Валентина, но время отжинок отойдет навеки и подступит старость, сразу и бесповоротно. По возвращении я, приду к нему, бездомный, с просьбой позвонить в областной Совет (не дадут ли комнату в общежитии, буде дом в саду сожгли, он, передернув плечом, как раненая птица, скажет: «Не сердись, но я должен спросить об этом в КГБ». — «Да о чем ты должен спрашивать в КГБ?» — «Они лучше посоветуют, как тут быть». — «Да они напротив помешают». «Ну, я не могу иначе»... я ушел растерзанным и больше не приходил к нему.

Генерал Лапин олицетворял триумф комитета госбезопасности на сибирской земле, и в эти дни торжествующий Овод, усугубляя тяжкое мое настроение, сообщил, что беда вошла в твой дом, Марина (взяли Глеба), а в Ленинграде взяли Ростислава Евдокимова, сына каперанга, талантливого поэта и филолога, и ждут аресты в Киеве.

До тюремных камер докатилось безумное известие — новый шеф КГБ Федорчук в бронированном автомобиле выезжает к Манежу и хватает за руку парней: «Студент? Почему не на лекциях?!». И неопровержимо узналось: идут облавы в Иркутске. Внезапно во время сеанса зажигается свет, люди в штатском перекрывают выходы из зрительного зала, и начинается опрос: кто, как, почему во время рабочего дня столь вольготно чувствует себя? И далее: почему пьет кофе и ест мороженое? Завивает волосы и бреется в парикмахерской? В три пополудни позволяет заказать рюмку коньяку в «Арктике» и даже в «Интуристе» почему?! По какому праву до обеденного перерыва женщины шастают по Соломона Урицкого (Торговый центр Иркутска)? — Все это идет на мертвенном фоне гражданского авиалайнера, сбитого вместе со стариками и детьми над водами Татарского пролива...

О чем мы будем говорить с господином Лапиным?

— Борис Иванович, а как вы относитесь к Юрию Бондареву? — и, выслушав мой ответ, окунается в велеречивость: «Бондарев концептуально прав, у нас есть право гордиться достижениями», — генерал делает провокационную выступку. И чтобы там, вдали, иметь возможность, иметь право сказать то, что я сейчас скажу, я говорю ему, в тот час:

— У нас нет достижений, Степан Сергеевич. Гибель русского народа...

— А я принципиально не согласен. Новая общность советских людей. Интернациональное братство. Любовь передового человечества к стране победившего социализма.

— Вы называете то, что есть, победившим социализмом?

— Бесповоротно, дорогой Борис Иванович. Потому-то, кстати, мы сочувствуем вам. Предубежденность былая ушла, мы поняли — вы советский человек, но со своеобразным взглядом на мир. Да, а Ежи Ставинского вы читали, конечно?

— Читал, и вы знаете об этом. Но к польской «Солидарности» Ставинский не имеет отношения.

— Мы хлеб не зря едим. Нам о Ставинском известно другое. Ну, держитесь, Борис Иванович. Вы симпатичны мне. В вас есть корневое, характер у вас русачий, морозоустойчивый.

— Я не русак, я гуран, Степан Сергеевич.

— Гураны — забайкальские казаки? Дак то ж чистейшие русаки!

— Мы помешали кровь с местными народами, потому и стали морозоустойчивыми.

Встав из-за стола мы пошли в выходу из кабинета. И уже на флажке Лапин добро усмехнулся, мужицкое начало высветилось и проступило наружу:

—Борис Иванович, а почему вы считаете, что евреи из одной с вами камеры осведомители КГБ, так сказать? Неужели вы антисемит?

— Зная, что я не антисемит, вы пытаетесь через в а ш и х евреев кое-что разведать у меня. Но работать они не умеют, милостивый государь.

— Да вы заблуждаетесь, уважаемый Б. И. Оперативная служба тюрьмы ведет свою работу, в том числе среди евреев. Мы не касаемся тюремной епархии. Своих забот полон рот. Ну, не гневите душу, Б. И., я рад был беседовать с вами. — Лапин протягивает толстую руку простолюдина.

В приемной чистолицый молодой человек цепко всматривается в меня. Глаза его совершенно безжизненны. Я приторможиваю и всматриваюсь в маску. Запомнить бы. Не знаю, зачем, но запомнить бы.

Много лет спустя на собрании ученых в Академгородке я внезапно признаю в выдвиженце (ученые рьяно выдвигали чистолицего кандидатом в депутаты России) того человека, что сторожил мой выход в приемной генерала Лапина, но воспрепятствовать ему не смогу. Он станет депутатом России.

[Продолжение следует].

[1] Пройдет много лет, в иркутской газете я прочитаю о визите М. С. Горбачева на Байкал: «На пресс-конференции Президента в Листвянке довелось задать вопросы и корреспонденту «ДПР» («Демократический путь России»): «Михаил Сергеевич, в свое время в Иркутске были осуждены по политическим статьям писатель и педагог Борис Черных, нынешний член координационного Совета «Демократический Россия» Сергей Боровский, баптист Лавренович. Всех их судил председатель областного суда Чернов, до сих пор остающийся в этой должности. Как вы считаете, могут ли такие люди возглавлять областной суд? — Здесь не может быть однозначного подхода (а у Президента Горбачева когда-нибудь был однозначный подход по какому-нибудь вопросу? — В. С.) По каждому судье надо разбираться отдельно и смотреть. Ведь тогда были такие законы и такие судьи, обреченные исполнять эту жестокую, неблагодарную роль». — Газета «ДПР», Иркутск, 27 ноября 1991 года.

В областном Совете

БЕСПРЕДЕЛ НА ДОРОГАХ

На улицах и дорогах области творится, не побоюсь этих слов, настоящий беспредел: под колесами автомототранспорта гибнут взрослые и дети, в тяжелом состоянии попадают на больничную койку. Напомню, с 1986 по 1991 год на дорогах области погибло 1030 человек. И если пять лет назад в дорожно-транспортных происшествиях было зарегистрировано 123 трупа, то в прошедшем году — 277. Видимо, поэтому малый Совет Амурского областного Совета народных депутатов и принял решение за № 29 от 14 апреля 1992 года «Об установлении повышенных размеров штрафов за нарушение Правил дорожного движения на территории области».

Пункт 1-й решения гласит: «Установить на 1992 год размеры штрафов за нарушение Правил дорожного движения на территории области в соответствии с приложением». А в приложении перечислены 13 статей Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, по которым установлены повышенные размеры штрафов за нарушение Правил дорожного движения.

Согласно статье 80-й Кодекса, выпуск в эксплуатацию транспортных и других передвижных средств с превышением нормативов содержания загрязняющих веществ в выбросах, а также, если уровень шума превышает эти нормативы, влечет за собой предупреждение или наложение штрафа на должностных лиц в размере от 200 до 400 рублей.

За эксплуатацию транспортных средств с подобными нарушениями (ст. 81) владельцев этих средств также ожидает предупреждение или штраф от 50 до 100 рублей.

Подобное наказание ожидает водителей и за нарушение правил эксплуатации транспортных средств (ст. 114): неисправность тормозной системы или рулевого управления, переоборудование без соответствующего разрешения, если транспорт не зарегистрирован или не прошел гостехосмотр.

А вот за игнорирование ремней безопасности или мотошлема — от 30 до 50 рублей.

Статью 115 хотелось бы привести полностью: «Превышение водителями транспортных средств установленной скорости движения, проезд на запрещающий сигнал светофора или жест регулировщика, несоблюдение требований дорожных знаков приоритета, запрещающих и предписывающих дорожных знаков, разметки проезжей части дорог о предоставлении преимущества в движении, нарушение правил перевозки людей, обгона транспортных средств, проезда остановок общественного транспорта или пешеходных переходов, пользования осветительными приборами в темное время суток или в условиях недостаточной видимости влекут предупреждение или наложение штрафа в размере от 50 до 100 рублей.

Те же нарушения, повлекшие создание аварийной обстановки, т. е. вынуждавшие других участников движения резко изменить скорость, направление движения или принимать иные меры к обеспечению собственной безопасности или безопасности других граждан, а также невыполнение водителями требований работника милиции об остановке транспортного средства, влекут наложение штрафа в размере от 100 до 2500 рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок до 3 месяцев.

Участие водителей мотоциклов и иных транспортных средств в групповом передвижении в городах и других населенных пунктах, создающем помехи дорожному движению или угрозу безопасности движения, влечет наложение штрафа в размере 600 рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок до 3-х месяцев».

Немало несчастий происходит на железнодорожных переездах. А потому за нарушение водителями правил проезда железнодорожных переездов (ст. 116) влечет наложение штрафа в размере от 600 до 1500 рублей или лишение права управления до шести месяцев.

Особое внимание уделено управлению автомототранспортом в состоянии алкогольного опьянения (ст. 117). Здесь однозначно: или штраф 2500 рублей, или лишение водительских прав на все виды транспортных средств от 1 года до 3.

Нарушение же водителями Правил дорожного движения, повлекшее повреждение транспортных средств или иного имущества, а также иных Правил дорожного движения (ст. 118), влечет за собой наказание от предупреждения до 1500 рублей штрафа, в зависимости от тяжести нарушения.

Управление транспортными средствами без водительских прав (ст. 119) заставит выложить из кармана 800 рублей, а если при этом транспортное средство, груз, дорожное или другое сооружение будет повреждено, то тут уже надо готовить от 1000 до 1500 рублей. Ну а если ко всему прочему эти самые лица будут еще и подвыпивши (ст. 120), то тут уже придется и раскошелиться на 3000 рублей.

Случается и такое: задержали водителя, и подозрение есть, что он выпивши, а вот от освидетельствования в установленном порядке последний отказывается (ст. 121), то тут уже его ожидает штраф в размере 2500 рублей или лишение прав на срок от 1 года до 3. Совершение тех же действий лицами не имеющими прав — штраф 3000 рублей.

Нарушение правил пешеходами и иными участниками квалифицируются на этот раз шире: неподчинение сигналам светофора или регулировщика, перешел улицу в неустановленном месте — заплати от 10 до 50 рублей. То же самое ожидает и водителей велосипедов, мопедов при несоблюдении вышеизложенных требований, а равно несоблюдении требований дорожных знаков.

Если же по вине пешеходов или других лиц, управляющих мопедами, велосипедами, возчиками, возникла аварийная ситуация, то придется заплатить от 50 до 100 рублей.

Машина или другое транспортное средство должны быть всегда в исправности и иметь соответствующие регистрационные документы. Выпустил тот же механик автотранспорт на линию с подобными нарушениями — будь добр выложи из собственного кармана от 200 до 400 рублей (ст. 123). Ну а если должностное лицо допустило к управлению транспортными средствами другое лицо «под мухой» или без документов на право управления, то здесь ставка выше от 500 до 1500 рублей (ст. 124).

Есть в перечне и еще две статьи: «Повреждение дорог, железнодорожных переездов и других сооружений» (ст. 131) и «Нарушение правил содержания дорог, железнодорожных переездов и других дорожных сооружений» (ст. 134). За их нарушение на виновных накладывается штраф от 100 до 300 и от 200 до 400 рублей соответственно.

Хочется надеяться, что эти строгие меры помогут стабилизировать обстановку на дорогах нашей области.

В заключение скажу, что согласно 2-му пункту решения малого Совета суммы штрафов будут полностью зачисляться во внебюджетные фонды Советов народных депутатов, из них 50 процентов в областной и 50 процентов в соответствующие городские и районные.

И. ЧИКУН,
зав. отделом корр. сети и связи с общественными организациями «АГ».

МОДЕЛЬ. *Фото В. ПАЛЬКИНА*

НАСТРОЕНИЕ

«МОЖНО ВЕРИТЬ И В ОТСУТСТВИЕ ВЕРЫ»

Сегодня очевидно, как дырка от бублика: весы общественного и личного заметно качнулись в сторону личного. А помните, как еще совсем недавно мы умилялись показушным единством, по-детски взахлеб радовались благодетелю-государству, которое нас и спать положит, и нос вытрет, и о старости, худо-бедно, но позаботится. Полно! Оно, этот монстрище, нас породило, оно же, убаюкав сладенькой сказкой о всеобщем равенстве и братстве, представляет всему миру напоказ в гарантированной нищете, воспитанном неумении жить, работать, думать свободно, а, значит, счастливо.

И вот теперь, когда развеялся туман светлого будущего, и извечный маятник человеческих интересов, кажется, безудержно метнулся в объятия всепожирающего «эго», когда житуха стала еще беспросветней, а все то же номенклатурное «подавляющее большинство» кинулось в дикие гонки первоначального накопления капитала, остается одна опора — вера в родных, близких, друзей и... веру. Это чувство не сверкает медным пятаком в свете разбитого фонаря у любвеобильного трактира. Оно глубоко интимно и потому истинно. Оно и есть та соломинка, которая не даст скурвиться в бущующем, уже почти всем миром обжитом океане, куда нас вынуждены бросить слепыми щенками, забыв перекрестить и не научив плавать. Даже пособачьи. И вот поэтому...

Пред бедой не плачу:
«Пропасть».
Слабость — жадная пасть.
К вере имею личный
пропуск,
Он не дает пропасть.
Льготой этой я не кичусь.
Какая там к черту льгота,
Если мою обнаженность
чувств
Наглостью топчет кто-то,
Привилегии мнимой боюсь—
Она как старый примус:
Греет сердце — это
плюс,
А взорвется — минус.
Душою кричу, выход —
сто ватт,
Дрожит на небе подкова:
«Не виноват я, не виноват,
Что привилегирован!».

Сергей ТЮМЕНЦЕВ.

А БЫЛ ЛИ МИЛЛИОН?

КОНЕЦ октября прошлого года был напряженным для всех медицинских работников области, так как отсутствие хирургических перчаток грозило приостановлением плановых операций больным и даже невозможностью проведения экстренной хирургической помощи. В это время был уже прекращен забор крови у доноров, не проводились анализы на СПИД, из-за отсутствия злополучных перчаток была приостановлена деятельность других медицинских служб...

Поиски работников областного объединения «Фармация» по традиционным каналам ничего не дали — поставщики беспомощно разводили руками, ссылаясь на отсутствие сырья.

В этот момент богатая амурская фирма «Восток» в лице ее генерального директора А. И. Кайды проворачивала очередную коммерческую операцию с нашими соседями по реке Амур. Не знаю, чем руководствовался Анатолий Иванович в ходе этой сделки, убеждая китайских деловых людей. Наверное, тем, что наши земляки-амурцы все начисто завшивели, а их квартиры кишат тараканами и прочей домашней нечистью! Пусть это останется его коммерческой тайной, но тем не менее, в короткий срок на таможне оказалось изрядное количество инсектицидного карандаша — незаменимого китайского средства для борьбы с различными домашними паразитами, принадлежащего фирме «Восток». Точнее, еще не принадлежащего, так как за него нужно заплатить приличную пошлину и произвести взаиморасчеты. А. И. Кайда и его помощники лихорадочно искали рынок сбыта для «тараканьего карандаша». Кое-что сбывали, но мелкими партиями. Вот тут и подвернулось объединение «Фармация», где состоялся следующий диалог:

— Вам средство для борьбы с тараканами нужно?

— Да, такого средства в наших аптеках нет, но нам позарез нужны хирургические перчатки.

— В чем вопрос?! Выкупайте всю партию «тараканьего карандаша», и в течение следующей недели мы заваляем вас хирургическими перчатками с одноразовыми шприцами в придачу!

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

Уверенность, с которой было сделано это заявление А. И. Кайды, сама возможность раздобыть дефицит сделали свое дело — «Фармация» согласилась. Пришлось, конечно, «скрести по сусекам», влезать в долги (речь-то шла о миллионах рублей, которые в конце прошлого года еще были миллионами), чтобы расплатиться с «Востоком». Согласитесь, что для бюджетной «Фармации» это было совсем непросто.

Получив гарантию А. И. Кайды, теперь уже работники объединения твердо заверяли больницы и районные аптеки в том, что скоро хирурги смогут приступить к операциям. Еще с большим нетерпением этих операций ждали больные. Но, увы, многие так и не дождались...

Фирма «Восток», получив деньги и избавившись от товара, начистр забыла свои обещания и договорные обязательства, в соответствии с которыми она было обязана до 31 декабря 1991 г. «завалить» нас перчатками и одноразовыми шприцами. Ни до этого срока, ни после него ни один представитель фирмы «Восток» не появился в стенах нашего объединения, не позвонил по телефону. Наши же звонки, настоятельные требования выполнить условия договора и сегодня уходят в пустоту...

По-русски говоря, надул нас Анатолий Иванович со товарищи. Ободрал, как липку.

Во всей этой истории возмущает одно: неужели новоявленные бизнесмены вроде господина Кайды, сколачивающие свои миллионы за счет страдания больных людей, останутся безнаказанными? Ведь даже в капстранах, делая свой бизнес, предприниматели стараются не затрагивать жизнь и здоровье людей, а наши, отечественные, дельцы плюют на этот этический закон! Неужели деньги, полученные таким нечестным путем, не жгли руки «востоковцам», и их совесть после этой сделки чиста?

Кто знает, может, мы действительно не привыкли к «большому бизнесу», и нам предстоит увидеть что-нибудь и похлеще при попустительстве компетентных органов? Не знаю. Знаю только одно: если это продолжится, то Кайда и иже с ним станут миллионерами, а вот многие больные уже никогда не станут здоровыми...

Если мое письмо будет опубликовано на страницах «Амурской газеты», прошу гонорар за него перечислить А. И. Кайде за наглость и необязательность его фирмы. Может, именно этой десятки не хватает ему до миллиона?

Т. МЕДВЕДЕВА,
заместитель генерального директора объединения «Фармация».

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы сожалеем, что письмо уважаемой Татьяны Порфирьевны было опубликовано нами не сразу, — А. И. Кайда, едва вернувшись из одной командировки, уезжал в другую, третью, четвертую... Пришлось делать это по телефону.

А. И. Кайда сообщил, что свои обязательства перед объединением «Фармация» он выполнил. ХИРУРГИЧЕСКИЕ ПЕРЧАТКИ БЫЛИ ДОСТАВЛЕНЫ в Благовещенск. Но работники объединения отказались их покупать из-за высокой цены. Обращение медиков и юристов результатов не имело: в договоре между «Фармацией» и «Востоком» отсутствовала соответствующая статья. Юридическая некомпетентность, увы, лишила «Фармацию» возможности обратиться в суд...

Редакция воздерживается от комментария этих фактов, которые Татьяна Порфирьевна в своем письме исказила. Отметим лишь, что такой подход к делу работников «Фармации», мягко говоря, не укрепит здоровье больных.

Надеемся, что случившееся послужит хорошим уроком не только для работников объединения: уметь вести свои дела профессионально, юридически грамотно нужно всем.

Кстати, о миллионерах и миллионах. С трудом избавившись от перчаток, фирма «Восток» понесла убытки, и немалые. Так что, говоря о миллионах «Востока», Татьяна Порфирьевна несколько неточна.

Мы понимаем чувства Татьяны Порфирьевны. Понимаем и в чем-то согласны с ней. В чем-то, но не в главном: призывая наказать миллионера-наглеца, автор забывает о том, что для этого нужно нарушить закон. Сегодня — ради больных, завтра — ради детей, а потом что — откроем новый ГУЛАГ! Было это, было — ради мировой революции, ради всеобщего счастья... Остановимся.

Борис ЧЕРНЫХ

И страждут озими от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

(Начало в № 14).

Марине П-й.

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

СВЕТЛЫЕ СИЛЫ

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Краткое содержание третьего Письма, названного «Темные силы». Непрошенный гость хуже татарина, или На пиру в честь 60-летия КГБ. Велосипед с красными шинами старого еврея Гольдфейдера. Я выспрашиваю Овода и претерпеваю неудобства в камерах Иркутской тюрьмы. Что положено за вредность опричникам! Расстрельный подвал в центре города. Генерал Лапин объясняется в любви к арестанту.

СРЕДИ гэбистов оказался один человек, с ним установились у меня нормальные отношения, нацеленные будто во времена другие. Мы оба делали прикидку: я, если доживу, пригожусь Петру Мазанникову в качестве дядьки, Савельича; Петру Николаевичу — начать с чистого листа историю службы, первейшей и единственной задачей ее да будет благо русского государства, блага, понятого в гармонической увязке со свободой частного лица.

Но темные силы попытались отвадить Мазанникова приятельствовать со мной и настрополили парня быть дурным. Тогда я взял в руки перо. Том 2, лист 5 Уголовного дела № 32308. Приложение к протоколу от 20 июля 1982 года: «Настоящим принужден заявить отвод Мазанникову П. Н. Мотивы отвода суть следующие. Нарушение презумпции невиновности, заведомо тенденциозный и неэтичный подход к подследственному. При всем при том уверен, что в дальнейшей работе своей, набравшись ума и культуры, Петр Николаевич Мазанников станет добросовестным и лояльным работником. Борис Черных».

Мотивы отвода — неискренние. Мазанников обнаружил в себе качества не хуже, нежели те, коими обладали тот же Анатолий Степаненко или Юрий Шаманов (перечеркнуть лучшее в них не могу). Уместно припоминаю Михаила Асеева, именно Асеева гэбисты пятидесятых годов втянули в провокацию против юного Леонида Бородина, и когда с Бородиным посчитались, Миша Асеев, милый парень, ушел с историко-филологического факультета на юридический. У нас он сразу вписался и стал своим, его определили комендантом общежития. Мы неплохо зажили под зонтиком, и только к концу учебы открылось, с кем мы водили дружбу, кто постоянно выручал нас то пятеркой, то буханкой хлеба. А двойничество в натуре Асеева дало корень и проросло. Но все равно природное, сибирское, прорывалось и довлело в натуре, подпорченной вечным двурушничеством. Однажды он сказал мне, походя, на улице: «Все так и норовят презирать кагэбэшников, но мало кто знает, что среди нас есть люди не хуже, а лучше вашего брата. Но мы никогда не обнимемся», — на что я отпел ему резко, а потом, получив сообщение о гибели Асеева, горько сожалел о резкости, частью оправданной. Но кто выдумал надзирать над согражданами? Кто придумал посорить славян недоверием к части их? Кто ввел в обиход стукачество?

ОТВОД Мазанникову я писал с целью высокой: для потаенного исследования моего давно хотелось мне выйти и оказаться лицом к лицу с господином Дубянским. В течение долгих лет Дубянский занимался досмотром за моими друзьями, собирал «компрометирующие» факты, не брезгуя бытовыми подробностями, многих успел запугать, вызывал на так называемые профилактические беседы, требовал письменных объяснений.

В архиве КГБ сохранились отвратительные бумаги — если в минувшем году, чувствуя угарный запашок, Гуртовые не успели сжечь их. И, меня, разумеется, возмутило, когда матерый Дубянский решил загородиться необстрелянным Петей Мазанниковым. Ранее я отвел молодого следователя прокуратуры Тихонова, ибо и там усмотрел похожее желание стариков отсидеться за спинами неискушенных ребят. И вот написал отходную юному витязю, а жалко расставаться было с парнем.

Петр Мазанников приходил на допросы чистеньким, в белой рубашке. Золотое колечко с безымянного пальца било в глаза светлым лучом. Костюм модный, наверное, вся родня собирала по рублю, чтобы одеть парня, ведь куда идет служить, в какие высокие сферы. Сам Мазанников постоянно думает о важности происходящего и светится, но скоро начинает тускнеть на глазах, я так думаю, разум и сердце, непогашенное еще, работают и плодят вопросы, а ответы на них не сыщешь в одночасье. Иногда через коридор я слышу, как Овод пытается отвести тяжкие раздумья Мазанникова и цинически смеется, зазывая Петра Николаевича в смеховую орбиту. Написать бы о смеховой традиции у опричников. Итожа четвертьвековую школу постижения гэбистских ужимок и гадостей, со временем, коли выкрою время, сяду к столу, чтобы позабавить читателя песенкой удивительной. Всякий раз, припоминая, как смеялся Степаненко или как смеялся мышонок Шаманов (в обкоме комсомола невольно наблюдал за ними), или как смеялся полковник Королев в городе, или подполковник Вовк в Благовещенске, или генерал Разживин в Ярославле... — чую, золотые россыпи, да где сыскать издателя, который бы немедленно пустил удивительную книгу к читателю?

В минуту роковую говорю Мазанникову:

— Петр Николаевич, доживете до хороших дней, когда Россия вздохнет свободно. Не отяготить бы совесть. Понимаю, трудно здесь, но от крайнего падения берегите себя, — на эти слова Овод, присутствующий при моем монологе, презрительно бросает: «Мы не красные девицы, чтобы беречь себя», — и хлопает Мазанникова по плечу, тот сконфуженно улыбается. Но сколько-то пробежит недель и месяцев, перед судом я получу возможность смотреть «Дело», сшитое гэбистами, и в некоторых протоколах допросов, веденных Мазанниковым, обнаружу совершенно неуместные слова в мой адрес: один отмечает педагогические таланты подследственного, другой признается в том, что меня любили воспитанники, третий говорит — выеденного яйца не стоит вся затея улицы Литвинова.

С глазу на глаз Петр Мазанников выпаливает как-то, словно на всякий пожарный случай:

— Б. И., а я ведь живу в одном подъезде с Дмитрием Гавриловичем Сергеевым, — молча соображаю я, что значит признание молодого следователя, но не обижаю Мазанникова подозрениями: квартиру-то дали ему в одном доме с достойнейшим сыном Сибири для неумолчного догляда за Дмитрием Сергеевым. Вместо подозрения, готового срваться с уст, я спрашиваю:

— Веньку Малышева помните? Из Нилинской «Жестокости»?

— Помню.

— Слава Богу, — говорю. — Венька и меня заставил многое понять, когда я был не старее вас[1].

— Да то ж когда было, Борис Иванович.

— Сегодня было и есть. Вчера было. Но что будет завтра?..

Более пяти минут нам не дают пробыть вместе. Догадываются волкодавы: коли я умею подчинить влиянию уголовников, то не воздействовал бы и на белоснежного Мазанникова.

У меня же дидактическая установка, хотя и скрытая, но никогда не умирающая: всегда со школьных лет я не оставлял усилий воздействовать на человека в положительном смысле, усилия мои приносили результат иногда не скорый, но тем не менее приносили. Зря не послушался я советов Лили, сестренки (она учитель), и не пошел учиться в педагогический. Возможно, судьба моя сложилась бы благополучнее. И здесь, у края пропасти, я начал безнадежную борьбу, и кажется, бессмысленную, за достоинство... вот вы, читатель, сейчас удивитесь, но Ты, Марина, поймешь меня... за достоинство личности опричника, вне спекулятивных соображений. Сразу и бесповоротно я понял: здесь последний рубеж, и русская интеллигенция, во всяком случае, провинциальная, да будет представлена достойнейшим образом. Образ врага, пестуемый в недрах КГБ, сколько достанет сил я обязан разрушить. Вероотступника они не создадут прежде всего потому, что вероотступники они, и я верну, должен вернуть к лучшим заветам эти заблудшие души. Должны они внять: любовь к Отечеству призывает меня быть таким, каков я есть, но нигде и никогда я не позволю низвести поединок наш к противостоянию ненавистников. Благие порывы, благие надежды!

ВИЖУ беспощадным глазом — молодой Петр Мазанников, если и любит меня (жертву можно любить любовью истязателя), то прежде всего — как персонаж героической своей судьбы. Мазанникову дадут медаль за меня (а Дубянскому и Оводу — ордена и внеочередные звания), и хотя бы за медаль стоит быть почтительным и вежливым и просить у Бориса Ивановича прощение за неделикатные вопросы. Но могут ли быть деликатными вопросы в стенах этого злого учреждения?

Осенью восемьдесят второго года старший лейтенант Мазанников совершает опрометчивый поступок. В его присутствии начальник следственного отдела областного КГБ Григорий Дубянский напыщенно, с дрожью в голосе, зачитывает постановление об этапировании в Омскую психушку.

— Вот и вся игра ваша, — роняю я. Дубянский никак не реагирует на горькие мои слова и приказывает Мазанникову отбыть в отведенную комнату, где ждать вызова к автомашине. Все достаточно необычно и тревожно, я не выдерживаю и спрашиваю: «Уж не спецназом ли меня повезут прямо в Омск?». — «Самолетом, ближайшим притом», — ответствует Дубянский. Что-то поджаривает гэбистов или торопятся сплавить меня подальше и навсегда. Сейчас, невольно поддаваясь забытому переживанию, я употребил вульгарные слова «поджаривает» и «сплавить», и мне стыдно, но не хочу исправить, лишь прошу прощения у читателя, воспитанного, как и я, на великой и прекрасной русской литературе.

Мазанников выводит в коридор и через коридор в кабинет, похожий на камеру-одиночку. Стол, два стула. Окно во двор, широкая решетка без намордника (намордником называют жалюзи). Здесь я коротал немало часов между допросами и привык к одиночке. Знаю, что во дворе комитета никогда курицы живой не увидишь, но зато небо, пусть в решетку, но просторное, далекое, ласточки накануне дождя простреливают облака.

Мы усаживаемся. Петя угощает хорошей сигаретой.

— Почему почет такой, Петр Николаевич? Не «столыпиным» выпроваживают, а Аэрофлотом?

— Если «столыпиным», — отвечает Мазанников, — начнется утечка информации.

Плохи твои дела, Черных, думаю я, если замыслили спрятать тебя в чужом городе и без свидетелей. Но могли бы и не объявлять и постановления о направлении в Омск. Зачем объявили?

— Петр Николаевич, а зачем рассекретили мое убытие в гости к Верховному правителю?

Мазанников молчит, вырешивая, сказать или не сказать ответ, но говорит:

— Хотелось посмотреть, как вы поведете себя, броситесь ли на колени.

— Вот и вся игра, Петя, — повторяю я.

— Да вдруг это к лучшему, Борис Иванович?

— Нет уж, лучше зона, даже уголовная, и карцер, а не психиатрическая больница.

Мазанников подходит к окну, стоит молча, наблюдая за двором, и неожиданно, извинившись, уходит. В дверях клацнул ключ. Шаги Мазанникова замирают по коридору.

Теперь я подхожу к окну, двор привычно пуст. Но внезапно я вижу — две совершенно инородные женщины, измазанные известью, волокут ведра. Следом маляр, в дряхлом комбинезоне, несет кисти. Я подставляю стул, пытаюсь открыть форточку напрочь, форточка отпирается наружу. Бросаюсь к столу, на столе бумага и карандаш. Пишу записку: «Иркутск, люди добрые, отнесите сразу писателю Дмитрию Сергееву. Улица Лермонтова, 97, кв. 34. Дима, увозят в Омскую психушку. Борис Черных», скатываю в комочек и снова жду оказии у окна, поднявшись на подоконник, при этом слушаю коридор. Тихо. Бабы опять несут гашеную известь. Сильным шепотом (вдруг в соседних комнатах люди, и окна приоткрыты, услышат) окликаю: «Бабоньки, бабоньки!» — женщины стреляют по окнам, видят изможденное лицо очкарика в решетке окна. Выдернув руку в форточку, бросаю со второго этажа катышок в ноги. Напугавшись, женщины быстро уходят. Идут томительные минуты. Я запер фортку и притаился у оконного косяка. Вечность стучит в висок. Идут напару мужик и баба. Мужик умело роняет кисть и поднимает ее вместе с катышком. О, Русь моя!

Благодарно машу рукой, мужик вкось ловит в поле зрения мое окно.

Может быть, гэбисты разыграли меня? — вопрос ехидный, придется подождать, прежде чем получу на него ответ.

Слышу шаги за спиной, отхожу от окна.

— Отбой, — сообщает Мазанников, — в порту нет горючего. Дожили. В резиденцию Верховного повезут вас завтра.

ХОЖУ по Колчаковским местам, думаю я молча. Незадолго до ареста сын, будущий историк, добыл из спецхрана стенографическую запись допроса адмирала Колчака. Вместе с Дмитрием Сергеевым, Геннадием Хороших и Андреем — по цепочке — мы читаем бесценные свидетельства. Прост и пространен в ответах Колчак, он понимает — дни его сочтены. И Озими свои хочет оставить для России. Когда насытится она кровью, и пробьет час внять горьким истинам—приникнет к роднику и запоздало узнает, что не тем богам поклонялась и даже женщин не тех славила в легендах и песнях. Опереточные, но по колено в крови, Лариса Рейснер, Александра Коллонтай, Надежда Крупская, что и кто вы рядом с русской девушкой Аней Тимиревой? Она осталась с обреченным Колчаком в каземате. В чем же вина ее? Любимого увезли зимней ночью на берег той реки, через которую каждый день возят меня на допросы, и расстреляли без суда. А что же вы сделали с Анной? Уготовили пожизненную пытку — четырежды арестовывали, гнали по этапам, мучили голодом во вшивых бараках. Но без единого стона Анна Тимирева добредет до погоста[1]...

Простите, Мазанников, я отвлекся...

---

[1] Павел Нилин, «Жестокость», роман. Вениамин Малышев, сотрудник уголовного розыска, убивает себя, когда открывает, что обманутым и поверженным оказывается человеческое достоинство; в недрах репрессивных органов в двадцатых годах уже были заложены тлетворные зерна, им оставалось с годами прорасти и дать всходы. Мужик Баукин, преданный оперативниками в «Жестокости», — пророческий персонаж русской литературы.

Автор.

[1] Я работаю сейчас над пьесой «Анна и Александр». Место действия Красный корпус Иркутской тюрьмы, звуки кандальные, серый бетон, безмолвие. Слом времени, 1919 год. Поменяйте местами цифры и получите 1991. Но нет и не может быть дороги назад, соотечественники.

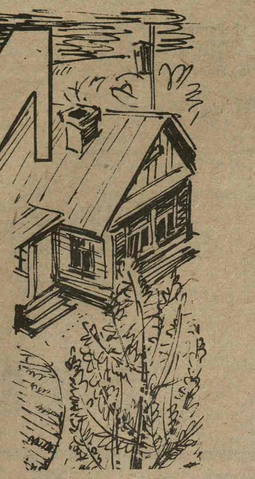
Автор.

(Продолжение следует).

Борис ЧЕРНЫХ

И страждут озлаи от бешеной волчицы... ПУШКИН.

ОЗИМИ



(Начало в № 14). Мурино П-Ф.

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

СВЕТЛЫЕ СИЛЫ

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

(Окончание. Начало в № 21).

Одолев невидимый барьер страха, скоро доктор пригласил тайного пациента и заявил вслух: «Почитайте. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Я прочитал диагноз, хотя можно было и не читать. После разглашения ситуации играть с огнем решился бы только отъявленный негодяй.

— Завтра или послезавтра вас повезут в институт Сербского, будут делать вид, что для того и носят на крыльях, чтобы безошибочно диагностировать. Но в Серпах уже едва ли смогут побороть мой диагноз.

Я сдержанно благодарю психиатра и прошу разрешения посмотреть том Ивана Бунина на докторском столе. На самом деле я беру листок бумаги и, пользуясь паузой, пишу: «Я доверяю вам и хочу оставить тетрадку. Лет через десять, коли не найду вас, найдите моего сына и передайте», — доктор кивком головы обещает соблюсти просьбу. Из-за пазухи я вынул тетрадку школьную и отдал ему. Скоро мне придется цитировать запредельный документ. А сейчас говорю понятое в те дни: в стране, повязанной фашистами уже шестьдесят пять лет, страх надломился. Режим еще выкалечивается, он все еще норовит примерять звездный мундир на гнилых плечах, но светлые силы одолевают тьмень.

ТАК ПОПАЛ я в фантастическое положение. Опять самолет понес меня над страной, и черная «Волга» тащила, как кляча, по улицам Вавилова и втащила в ворота дворца, они раскрыли зев и следом захлопнулись, тихие офицеры вели по ковровым дорожкам. Я разглядывал, куда попал, в какое подземное царство. Сокамерники сообщили, что в Лефортово, я благоговейно смолк, услышав шаги Александра Исаевича Солженицына и дыхание, Марина, прекрасного Твоего Глеба. (Солженицын далеко, а Глеб рядом). В бетонных двориках я пытался на прогулке вынюхать запахи Твоего дома, но тщетно. Зато в Серпах, когда врачи поставили на выстойку лицом к окну, я всмотрелся в городской пейзаж и поплыл. На балконе дома напротив я увидел незабвенного Лена Карпинского. Лен курил и тоже смотрел в мою сторону. Много лет назад мы сетовали, нет ли в затее поселить Карпинского окнами на институт имени Сербского дурного умысла держать постоянно пред одним из главных оппозиционеров страны зеркало судьбы, пусть гипотетической в принципе, но с точностью расчислить будущее никто бы из нас тогда не взялся. И вот мы, разъединенные всего лишь десятками метров, провидцы и странники, предпочитающие крепкий домашний уклад странничеству, смотрим, судьбе в суровые очи. Боже, как выхудал ты, Лен, и глаза запали. Куришь простые сигареты, один из прекрасных безработных России. Блистательный ум, философическая оснащенность и основательность, — и опыт, да, пусть опыт функционера в дисковинном государстве, но опыт бесценный. Именно этот опыт вооружил Горбачева и Ельцина универсальным знанием системы. Надо выдержать, Лен, надо устоять; мы еще пригодимся России в лучшем качестве сыновей горемычных, преданных ей до гроба. Мы никогда не удалимся в палестины, слышите, господа. Мы готовы уйти в скит на время, но вы не дождетесь, что мы уйдем с этих балконов, откуда открывается страшный вид на Зазеркалье. Мы останемся...

А помнишь, Лен, тот разговор, когда «Известия» пришли с сообщением: никому неведомый провинциал из Ставрополья избран секретарем ЦК партии, всего-навсего одним из пяти, или семи секретарей? И ты сказал: «Если он поднимется и не сорвется, он начнет реформы».

1977-й год? Или 78-й?

Ранее мы надеялись на Косыгина, потом была зыбкая ниточка: вдруг закуснет удила Катушев? Не закуснул. Хуже того — они пятились и боялись свежего ветра. Стагнация общества с неизбежностью подвела Россию к пропасти — они заглядывали туда и содрогались.

— Почему ты уверен, Лен, что именно он начнет?

— Потому что он понимает — в тоталитарном государстве духовное возрождение невозможно. Тоталитарное государство обречено на смерть. Надо мирным путем трансформировать его в демократическое — правовое. И он понимает это.

— Ты знаешь его взгляды из первых рук?

— Когда я был секретарем ЦК комсомола, а он секретарем крайкома комсомола, мы успели обстоятельно говорить о России. Он понимает, что Россию надо поднять.

— Допустим, он сдвинет Россию. Тяжелая на подъем, она сдвинется с места и пойдет. Но куда?

— К миру, Боря. Мы ушли от мира, отгородились стеной. Вернемся к миру и, оставаясь собой, начнем путь национального преображения.

— О, красиво-то как! Но каждому придется принять личное решение. Ты готов к нему. Я готов. А мужики годами, десятилетиями бьют баклуши на общественном производстве. Они согласятся принять решение и пойти на личную дуэль, где ты один на один с ветром в поле?

— Выбора не будет.

— А вчерашние соратники объявят его Лжедмитрием, предателем и пр., и пр. Между прочим, придется что-то делать с коммунизмом. Доктрину придется менять.

— Коммунизм придется преодолеть, как преодолевают болезнь. Выздоровление тоже будет нелегким, с возможными осложнениями, болезнь была тяжелой. Но надо сказать правду народу: мы больны и умрем, если не признаем истинного диагноза.

— А ты преодолел болезнь? Ты носил в себе такую святую веру в социализм. Успел ли ты сам внять истине?

— Преодолею. Хотя и тяжелая доля одолеть хворь, которую успел полюбить и считал здоровьем. Он тоже будет преодолевать болезнь на ходу.

— Господи, каких только собак не навешают на него.

— А главное, потребуют сказать, зачем приходил. Но его уже не будет...

Никому, Лен Вячеславович, я не рассказал о наших беседах. Впрочем, однажды в рабочей камере штрафного изолятора московский честолюбец Лев Т. начнет скучно умничать и попытается низвести с пьедестала Лена Карпинского, «марксиста и догматика», и тогда мне придется сказать, что он вещает с чужого голоса, и лучше не вещать, по крайней мере, в камере Шизо... А книги, да, страстью нашей были книги, это справедливо больше по адресу Карпинского, нежели Распутина (последний всегда был занят более собой) — книги, которыми снабжал ты меня, Лен, идут по следственным кабинетам, но я не выдам тайны, откуда и как пришли Джилас и Дубчек в Ботанический сад.

А если суждено нам встретиться, я выведу тебя на балкон твоего дома, откуда ты сейчас смотришь, тоскуя, в космос, и расскажу о шведке Тальке, которая спасла меня в Серпах — спасла в прямом, но в переносном, смысле: будучи психиатром, она поставила безошибочный диагноз о начавшемся воспалительном процессе в печени и в палате Серпов успела уколами вытащить меня из тюремной могилы. Прапрадед ее, плененный Петром I под Полтавой, оставил ветвь в чужой державе, и я не нашел суровых слов в адрес Тальки.

Так вернулся я на иркутскую землю духовно окрепшим, почувствовав поддержку невидимых сил. А в стенах тюрьмы администрация неожиданно продемонстрировала предупредительное отношение к гэбистам. Видимо, попытка избавиться от политического узника посредством его сокрытия в психушке отвратила тюремщиков от Дубянского и Овода, и до самого суда меня более не испытывали камерами рецидивистов. Однако за стенами тюремного замка продолжался поединок, и пришла пора рассказать, что мяло стороны, точнее — противников, в противостоянии. Но об этом противостоянии и финале драмы я расскажу позже. А сейчас уйдем с кровавой площадки — в ближние леса, ибо заваривается в ближних лесах непредсказуемый тайфун.

РУССКИЕ КОНФОРМИСТЫ

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Краткое содержание четвертого письма, названного «Светные силы». Венька Мелышев из ремня «Жестокость» и милосердный Мазепинков. В международном аэропорту. Наедине с Леном Карпинским. Мы в пелестины не удемнемся.

И ПРИ КАКИХ обстоятельствах и невзгодах мы не оставим Отечества. Но и никогда — руководствуясь лишь чувством меры — не назовем себя патриотической партией. Хотя глубокая наша преданность русским святыням не вызывает сомнений, надеюсь.

Однажды с Карпинским и его сыновьями вырвались мы за пределы Москвы. Стоял день с неимуренным челом, сосны в бору взяли на стремную компанию мыкающих одиночество мужиков с подростками. С Максимом Карпинским мы пошли за дровами, оставив Лена с младшим растапливать печь в летней кухне. Захлебываясь, Максим успел рассказать, как в Свердловске, куда он уехал, чтобы начать судьбу, пришли люди в штатском, пытались выспрашивать об отце, в их криминальном интересе не было высокого вопрошания.

Высокоодаренного мыслителя и функционера изгнали из присутственных мест и подавили, но явились в глубинку, чтобы поколебать сына в предании, в заветах родительских. Вот Россия 70-х годов XX столетия.

Теперь, оставив позади иркутскую драму, на сквозняке безумной эпохи пытаюсь я отойти от прошлого, чтобы постигнуть горький опыт, но лица с неизжитыми чертами ренегатов, однако с иным, демократическим, упоением, окружают меня. И я бросаюсь к тем, кто устоял тогда и не прибился к выгоде бегущего дня.

Красноярский историк Юрий Булычев написал и передал мне «Свойства провинциального мироощущения», оригинальный трактат, но более трактата заинтересовал сам Булычев. Недавно мы увиделись вновь. После катастрофы он должен был бы дивиться моим треволнениям — дивился я.

Под нажимом властей Красноярский педагогический институт отказался от услуг самого, догадываюсь, эрудированного преподавателя. Булычев переходит в среднюю школу, но и школа отречется от него, как только ученики Булычева станут задавать родителям неудобные вопросы о смысле жизни.

«Он создал нас, он и воспитал наш пламень... — помните христомятийное? — положен им краеугольный камень, им чистая лампада возжена».

Юрия Юрьевича изгнали из классной комнаты. Тогда он возжег уже в прямом, не в переносном, смысле — пламень. В котельной. Ему повезло, котельная работала, и работала на соляре. Это не та примитивная кочегарка, по которым мыкались гонимые политологи и художники времен развитого социализма.

Апрель вызвал у Булычева холодный исследовательский интерес. Свое решение остаться в котельной Булычев объясняет значимостью физического огня, этот огонь единит его теплокровной нитью с тысячами сограждан. Он не мизантроп Булычев, он, открытый и добрый человек, бескорыстно раздаривающий богатства души и письменного стола друзьям и приятелям. Прозаик Владимир Крупин, распознавший каким-то образом о бессрочном истопнике[1], позвал его на Круглый стол в журнал «Москва». Голос провинциала оказался весомым в общем хоре.

Но кто позовет, кто вернет из забвения Вадима Полторака? Уставший от гонений (Владиосток трижды пытался избавиться от строптивого литератора, а затем и Питер), Вадим спрятал в чемодан Золотую медаль и диплом с отличием Львовского университета и подался на хутор в Прибалтику.

Пришел 87-й год, я навестил отшельника. Власть земли наложила на него неизгладимую печать. О, это не опереточное удаление Генги Дэвида Торо на Уолденские пруды. Полторакавский замес круче и основательней. Потом надвинулся 1990-й и следом 1991-й. Латыши поднялись и, увлеченные до самозабвения, поставили вопрос о гражданстве для коренной нации. Русский, украинец, еврей, и никак не латыш, Вадим ругнулся («Задрипанные либералы, язви в душу»), но с хутора не ушел. Там Дэзя, холмогорская корова, там овчарня и птица. А главное — здесь мальчик Глебушка (за Твоим Глебом, Марина, пойдет ли он по этапу в 2020 году? Россия непредсказуема), на парном молоке мальчик поднимается словно на опаре.

«Пи-лить, пи-лить», — будто из скворечника слышит отец поутру, выносит ножовку и ставит сына к березовому стволу.

В гостиной, под диваном, пылится чемодан с рукописями Вадима. Лучшую его повесть «Иной медьяр», с эпиграфом из Швейка «Иной медьяр не виноват, что он медьяр», постигла печальная история. «Медьяр» попал в руки демократической дамы, некогда муж этой дамы оказывал услуги отвратительному ведомству и взят был за то в «Правду» соблюкором по Дальнему Востоку, вылизывал подметки местным партвождям, выслужил перевод в столицу, жену пристроил в журнал с родственным «Правде» названием. Жена-то возьми и дослужись до зама главного. А тут грянула перестройка, и на стол замше лег «Иной медьяр».

У демократической дамы защемило сердце, но супружеский долг взял верх над соображениями 1990 года. Я тягостно размышляю, стоит ли называть на всю страну имя правдиста-конформиста Вячеслава Пастухова...

ИТАК, речь о конформизме. Описывая современную провинцию, не миновать грозной темы. Булычевы и Полтораки, зажав сердце ладонью, претерпели произвол и не смолчали, заслыша раскаты грома в Иркутске[1]. Смею думать, они вместе с Бородиным и Хороших, братьями Королевыми, Глебом Павловским и Ростиславом Евдокимовым (бок о бок прошли мы со Славой через Серпы и 36-ю), — соль земли русской, ее украшение и надежда.

Но, сшибая ветеранов с ног, ринулись и трибунам самозванцы. Глядя в желчные их глаза, я спрашиваю себя: эти ли дни мы звали?[2] — Дай Бог, если я ошибаюсь, дай-то Бог.

Но рядом с фанатиками крутятся перевертыши, умевшие во все времена приладиться к любому режиму и учившие осанну всякому, кто знал не только проломный, но и обходной путь наверх. Мы помним классический конформизм эпохи Муссолини, Гитлера, Сталина. Конформисты постсталинизма не поддаются однозначному прочтению. В самом деле, кто были те, что клеймили на собраниях и потом улюлюкали вслед исторгнутому из Иркутского университета Леониду Бородину? Распутин о той истории мог бы при желании кое-что вспомнить, она вершилась с его прямым участием, кто был рядом с гонимыми Карпинским и мной, а назавтра подписал письма с осуждением в наш адрес? Имена их многи.

Не защитил Булычева и Полторака?..

Теперь приходится слышать и все удивительнее голоса, напор их наглеет: голоса утверждают, что остов жизни и даже свод небесный держали не тетка Матрена, не дядя Кязым, не Маленький портной, — а эти ускользающие рептилии.

Стоило качнуться в августе государственной ладье, опять мы увидели мятущиеся глаза и лица. Живо стоит передо мной пронырливый облик старого товарища. Он выжил, отступая и кланяясь порой, в тяжелые годы, но нигде и никогда не позволил себе сподличать и оболгать кого-то. Да, служил в партгазетах, аккуратно платил профи партвзносы, печатал и гадости, но сам гадостей не писал. В дни государственного переворота по телефону я беру отзыв о событиях: «Вчера к власти фашизм»,— диктует мне Юрий Буртин, близко тому говорит Искандер.

Сдавший при Горбачеве партбилет, старый товарищ, 20 августа 1991 года вдруг пресекшимся голосом просит: «Боря, вычеркни слова о фашизме. Они победят, и нам не сдобровать», но я не прислушался к совету, оставил фашизм в строке. Назавтра в губернской газете я не нашел голосов Буртина и Искандера. Страх одолел моего приятеля и оказался сильнее цензора.

Яд и мед в августовские дни помещались в душах современников, но неделю спустя «глаза милых урийцев вошли в берега». Цитируя свой рассказ «Жить и умереть в Урийске» и зная, что мне суждено жить и умереть в России, я готов согласиться, что сам я большой конформист — народ, но у народа одна, хотя и неосознанная, быть может, дума — сберечь материк жизни от разлома. Конформист-образованец озабочен собой и только собой.

[1] 3 мая 1984 года напечатали в «Русской мысли» (Париж) статью в мою защиту. В политзоне на Чусовой я не ведал об этом.

[2] Некорректная аналогия, скажет проницательный читатель. «Нет, не эти дни мы звали», — с запоздалым прозрением сказал Александр Блок в 1920 году. Блок имел в виду Октябрь.

[1] Александр Галич оставил бессмертные строки: «И вот тут-то истопник и мне открыл глаза», — мы поторопились зачислить песенку Галича в анахронизмы житой эпохи.

Автор.

(Продолжение в следующем номере).

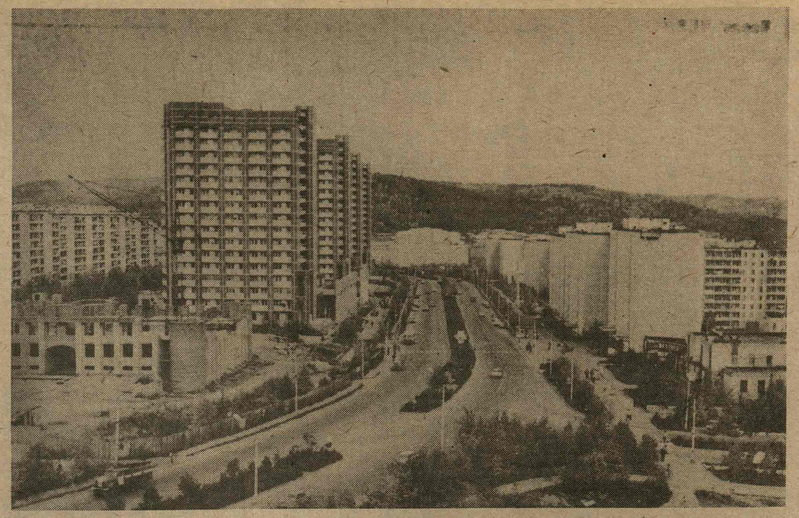
АТЕЛЬЕ — ДОМА

Хотелось бы в свободное время заняться рукоделием: вышивкой «ришелье», или кропотливым шитьем в стиле «пэчворк», или росписью по шелку, как предлагают шикарные журналы мод.

Увы, нашим женщинам не до красивостей: приходится разрываться между домом, работой, огородом, а в свободные минуты штопать носки и перешивать старые вещи.

Хорошим подспорьем в последнем занятии может оказаться буклет «Снова обнова», вышедший в издательстве «Амурская правда». Здесь даны выкройки, описания, фотографии и рисунки вещей, которые любая мастерица может сделать самостоятельно: из большого плаща — маленький плащик, из больших брюк — маленький комбинезон, из нескольких галстуков — яркий чехол на подушку.

Н. ИВОЧКИНА.



Тында. Улица Красная Пресня. Фото З. КОЛЬЦОВОЙ.

О ЧЕМ ПИСАЛА „АМУРСКАЯ ГАЗЕТА" В МАЕ 1902 года

ГРУЗО-ПАССАЖИРСКИЙ пароход «Полезный», принадлежащий товариществу «Е. С. Косицын и И. И. Гуриков», первым рейсом после открытия навигации выходит в Стретенск. Грузоотправителей и пассажиров просят обращаться с требованиями к распорядителю товарищества Ефиму Саввичу Косицыну (Благовещенская улица, между Соборной и Вознесенской) или на пароход к командиру.

* * *

Имеет быть отдана с подряда внутренняя покраска Покрово-Никольской церкви. Желающие принять на себя работу приглашаются в Никольскую церковно-приходскую школу, в воскресенье, 5 мая тотчас же после литургии. Кондиции можно узнать ранее у старосты Стефана Николаевича Аристархова.

* * *

Благовещенская городская управа сим извещает во всеобщее сведение, что 7 мая 1902 года в 12 часов дня в присутствии оной имеют быть торги на отдачу в арендное содержание городских сенокосных участков на 1902 г. Член управы П. Верещагин.

* * *

Акционерное общество «Артур Каппель» во Владивостоке в качестве единственного для Восточной Сибири представителя известного голландского завода «Верфь Конрад» рекомендует: экскаваторы, драги, элеваторы и вообще полное оборудование приисков и рудников по новому способу.

* * *

Ищу попутчицу на Дарасунские воды. Спросить: Амурская улица, дом Замошникова, квартира доктора Павлова.

* * *

С хорошим почерком требуется клерк в контору нотариуса А. Родзаевского.

* * *

21 полк продает молотилку, веялку и самотряску.

* * *

Анонс. В непродолжительном времени артисткою А. М. Северской-Сигуной, с участием артистов, будет поставлена анонсированная весь зимний сезон, пользующаяся громадным успехом на столичных и заграничных сценах, пьеса «Хижина дяди Тома».

* * *

Благовещенский городской ломбард извещает, что заложенные в ломбарде и просроченные вещи по билетам №№ (перечисляются номера), которым двухмесячный льготный срок оканчивается ко 2 мая 1902 г., если не будут выкуплены или перезаложены, то будут проданы в первый аукцион в городской управе.

* * *

В европейскую гостиницу нужен хороший трезвый повар, жалованье 80 р. в месяц.

* * *

Дешево продаются пробки для бутылок и полубутылок, по 1 р. 80 коп. за тысячу. Американская улица, склад Огородникова и К°.

* * *

Бульвары. На обоих городских прибрежных бульварах предпринята спешная посадка деревьев, главным образом тополей, привезенных с островов на Амуре. Работы предполагается закончить к 10 мая, т. к. почки деревьев уже распускаются.

* * *

Генерал Ренненкампф избран почетным стариком поселка Дим Поярковского казачьего округа Амурской области. В ответ на поздравительную телеграмму Димского казачьего общества от него получена следующая телеграмма: «Сердечное спасибо вам и молодым казачатам-амурцам за поздравление, особенно радует, что вспомнили меня амурцы, о совместной службе с которыми остались самые лучшие воспоминания. Молодым казачатам передайте, чтобы они гордились, что они амурцы, и, конечно, будут такие же богатыри, как отцы, свидетелем доблести и непоколебимости которых мне посчастливилось быть. Вам, старым казакам, особенно же тем, которые со мною вместе поход ломали, самый сердечный привет и пожелание лучшего успеха, а если удостоили выбрать меня почетным стариком, то за это в пояс кланяюсь и с гордостью будут носить Амурскую форму. Ура громкое всем амурским казакам-героям. Генерал Ренненкампф».

* * *

Вышла в свет «Памятная книжка Амурской области» на 1902 год. Книжка продается в местных книжных магазин.

* * *

Городская управа доводит до сведения велосипедистов, что, согласно обязательному постановлению городской думы от 8 октября 1899 года, ездить на велосипедах по тротуарам, пешеходным дорожкам, бульварам и скверам воспрещается, и что виновные в нарушении сего постановления будут привлекаться к законной ответственности. Член управы П. Попов.

* * *

«Довожу до сведения лиц, производящих каменные постройки в г. Благовещенске, что на заводе Назарова (по троицкой и астрахановской дорогам), удостоенном медалью и отзывами Хабаровской выставки, с 1 мая будет вырабатываться в большом количестве кирпич стенной, печной, карнизный, клиновый разного размера. Цена кирпича за тысячу такого размера, как китайский, от десяти до пятнадцати рублей, крупный, мера казенная — от пятнадцати до двадцати рублей. С заказами просят обращаться заблаговременно. Телефон завода — 196, дом. — 189. Надеюсь, что публика, принимая во внимание мою долголетнюю практику, удостоит завод своими заказами. За хорошее качество товара ручаюсь. А. Назаров».

* * *

Второго мая состоялся оригинальный «водяной парад». Часов в 12 дня из затона путей сообщения показался казенный пароход «Амур». За ним следовали на определенных дистанциях, подобно морской эскадре, пароходы «Хабаровск» и «Газимур». В самом хвосте шлепался какой-то маленький пароходик, игравший, по-видимому, роль миноноски. Эта эскадра проследовала от затона вверх по Амуру. В затоне было совершено молебствование, и присутствующим был предложен изысканный обед. По предположениям, этот «водяной парад» знаменовал собой открытие навигации.

* * *

Заветное желание благовещенцев исполнилось. Из средств государственного казначейства разрешено отпустить 200 тысяч рублей на постройку нового здания для Алексеевской женской гимназии. Городская дума отвела для нового здания гимназии довольно пространный участок в 120х80 квадр. саженей на углу Иркутской и Мастерской улиц. Планы и проекты составлены военным инженером г. Шеффером. Новая гимназия рассчитана на 600 учениц и 100 пансионерок. Главный корпус каменный. Отдельно предполагается небольшая больница и службы. При гимназии будет домовая церковь и квартира начальницы. Чтобы вполне оценить степень нужды в новой гимназии, нужно знать недостатки теперешнего ее помещения. За теснотою помещения приходится отказывать в приеме очень большому числу учениц.

* * *

На днях прибыл в г. Благовещенск из С-Петербурга вновь назначенный фармацевт врачебного управления Амурской области, провизор Прежджемирский, который, как слышно, предполагает устроить в г. Благовещенске частную лабораторию для химических и физиолого-патологических исследований с целью прийти на помощь практикующим врачам для распознания болезней. Г. Прежджемирский для вышеозначенной цели окончил курс в химико-бактериологическом институте д-ра Блюменталя в Москве и в последнее время состоял практикантом императорского института экспериментальной медицины в г. Петербурге.

* * *

Мясо на городском рынке скоро уже месяц, как продается по 18 коп. фунт, а до Пасхи, например, продавалось по 12—14 коп. Между тем, что-то не слыхать, чтобы управа собиралась установить таксу на мясо, а мы сомневаемся, чтобы мясоторговцы самовольно, без разрешения думы могли поднять цену на этот необходимый для жителей продукт. Кроме того, немало случаев известно из жизни городов, что при наличности чрезмерного поднятия в городах цены на какой-либо продукт, товар и прочее без особоуважительных причин администрация губернская (или областная) делала распоряжения торгующим, помимо городской думы, придерживаться при продаже продуктов и прочего установленной администрацией таксы, в противном случае привлекала торговцев к ответственности как за стачку.

* * *

19 мая, в воскресенье, состоялась прогулка учащихся начальных городских училищ Министерства народного просвещения, устроенная обществом велосипедистов-туристов при любезном содействии обоих пароходных товариществ (старого и нового), предоставивших для перевозки учащихся на китайскую сторону, в место бывшей деревни Б. Сахалян два парохода. По прибытии на установленное место детям были предложены чай, конфеты и другие сласти, а затем начались разные игры, танцы, прогулки. Детей в этом мероприятии участвовало более 850 человек.

* * *

С разрешения Святейшего Синода 1 июня, в субботу, в 8 часов утра из кафедрального собора будет торжественный крестный ход с Чудотворной иконой Albазинской Божьей Матери к перевозу реки Зеи. Икону понесут в селения: Ивановское, Черемховское, Петропавловское, Семиозерное, Среднебельское, Анновское и другие; возвратится святыня обратно в город 10 июня, к 4 часам. До перевоза на р. Зее ее сопроводит общий крестный ход со всех приходских церквей г. Благовещенска.

Е. САВЕЛЬЕВА,
сотрудник госархива Амурской области.

Борис ЧЕРНЫХ

И страждут озими от бешеной забавы... ПУШКИН.

ОЗИМИ

(Начало в №14).

Марине П—й

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

РУССКИЕ КОНФОРМИСТЫ

ПИСЬМО ПЯТОЕ

(Окончание, начало в № 22).

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ встреча ожидала меня в Ярославле летом 1990 года. Я избран главным редактором новой газеты. Демократическое крыло выдвинуло своего кандидата, увы, с партбилетом в кармане, но уже готового пойти куда «демократы» призовут. Я значился под вторым номером и не склонил головы перед депутатским корпусом, в том числе не расшаркался перед самозванцами, это, как ни странно, понравилось консервативному большинству. Кандидат от «демократов» был провален...

В перерыве на сессии протиснулся ко мне человек, чье лицо не мог я забыть много лет, и вот — из неведения, из небытия — он тянет руку, поздравляет с избранием, а я не знаю, что делать с липкой его ладонью. Теперь А. Г. Чукарев активист Ярославского «Мемориала», «видный демократ», ученый-историк.

В 1966 году жар пыточного огня сжигал нас во Владивостоке, и в самые тревожные недели зачастили в краевую молодежную газету два аспиранта, один из университета, а второй из Рыбвтуза. Первый держался раскованно, Второй сдержанней, но того и другого мы все же вычислили, и не ошиблись. Великий грех на душу берешь, приговаривая, в душе разумеется, человека к отвержению.

Первый любил навязываться в собеседники редактору газеты Вале Юдиной, оно бы ничего, мужеумная Валя жаловала неординарных гостей. Но следом, раз за разом, Валентину ставили на ковер к первому секретарю крайкома партии Чернышеву и цитировали собственные ее заявления, требуя отчета в антипартийности; скоро она с омерзением понял, что цитируют ее разговоры с Чукаревым, при этом смещают чукаревский смысл градусов на десять по... компасу.

Я посоветовал редактору разок не принять Чукарева. И разразилась истерика.

Второй — Виталий Алексенцев — подвизался на многодумных размышлениях об эпохе, но крохотная поговорка выдала его. Глядя на рейд, забитый подводными лодками и эсминцами, я выразил сожаление о судьбе прекрасного города, отданного военным и запертого, как краб в банке.

— Неужели ты, Боря, пацифист?! — быстро спросил Алексенцев, постановочность этого специфического гэбэшного вопроса разоблачила аспиранта. Скоро мне сообщили, что главная задача Виталия Алексенцева — борьба с «сионизмом», и гибель Левы Зильберберга, до сих пор не раскрытая следствием, на совести и Алексенцева.

Мы отказали тему и другому. Чукарев и Алексенцев исчезли из поля зрения, но их исчезновению можно было прогнозировать близкую катастрофу, и катастрофа грянула — газету уничтожили в одночасье.

И ВОТ в благословенные времена Бог занес меня на берега Волги. Ярославль бурлил. Опытным глазом я вижу — бурление поверхностное. По авансцене шастают опереточные фигуры: репортер, требующий суда над КПСС, но живущий в огромном обкомовском особняке, полковник, бывший политработник, внезапно прозревший на старости лет. Демократическая дама, всю жизнь славившая режим, но переметнувшаяся по ветру.

И рядом доцент с бегающим взором. В годы разлуки Чукарев преуспел, в том числе на партийном поприще (при его горячем участии ставилась политучеба — слово-то придумали — в обкоме и в местном КГБ). «Сгинь!» — единственное, что я смог сказать новоявленному либералу, он исполнил привычное для него приказание и сгинул. Ярославль не хутор, улицы здесь широки и многолюдны, площади раскидисты, а в университетские аудитории мне не ходить за недосугом.

Но некий старожил города стучится в редакторский мой кабинет. «Из губернской хроники вчерашнего дня», — говорит он и кладет на стол номер областной молодежной газеты. Чукарев, читаю я в «Юности» (так называется газета), был тем человеком, который отдал на заклание в КГБ своих воспитанников — студентов исторического факультета ЯрГУ. Ярославские гэбисты прикинулись гуманными— они покусали ребят, потаскали по кабинетам, кое-что изъяли из рукописей, попутно устроили выволочку ректорату. Чукарев отметился особо: выполняя социальный заказ ведомства, поставил двойку за курсовую самому бескомпромиссному из группы студентов. Не мог не поставить: в курсовой опальный студент написал, что восстания крестьян против большевиков были праведными.

Никто из ученых коллег не одернул Чукарева, не попытался усовестить. Боялись. Боятся и сейчас. Обыденная тошнотная повседневность. Тут, что Дальний Восток, что Сибирь, что Золотое кольцо — исторический центр державы. Перевертыши, потеряв румянец, приплясывают на кафедрах, на трибунах, на экранах.

Кстати, еще и поэтому я почти не смотрю телевизор — «то в Булгарина наступишь»... Но однажды врубил и слушаю: член редколлегии «Дальнего Востока»... член КПСС... член СП РСФСР... патриот имярек заступается за... Андрея Дмитриевича Сахарова. Я позвонил девчатам с Приморского телевидения: знают ли милые, кто он таков, патриот Князев?— Знают: писатель, депутат, член редколлегии и т. д. Не поленилися, съездил на студию, увидел бегающие глаза ведущей и понял: здесь конформистами свито гнездо давно и прочно.

Лев Князев в оные времена не спускался с этажей крайкома партии, участвовал — но с другого, правительственного фланга — в уничтожении Вали Юдиной и ее соратников, создал тоталитарную обстановку в Приморском союзе писателей. Лучшие из лучших литераторов Владивостока ушли из жизни или покинули край, стараниями Князева так и не принятые в ремесленную гильдию. Последний подвиг Князева — он не дал поставить у расстрельного оврага, что на Второй речке, надгробный памятник Осипу Мандельштаму. «Еврею нечего делать во Владивостоке», — сказал русский патриот Князев, сам не русский по национальности.

Горькое чувство запоздалого удовлетворения я испытал, когда Борис Можаев, не погнушавшись, аналитически разложил на составные и приговорил графоманскую прозу конформиста.

Спрашивается: нуждается ли общество, чтобы князевы вступались за честь Андрея Дмитриевича Сахарова хотя бы не на союзном, а на краевом телеэкране?..

НАЗЫВАЯ имена оборотней, не низвожу ли я всеобщее частному, не заслоняю ли лавину общенационального бедствия личным, личностным, быть может, субъективным видением мира? А нашествие рептилий именно бедствие, не меньшее, чем, посмею сказать, героизм подвижников. Подвижников всегда единицы, конформистов — тысячи. Но если первые, руководствуясь ортодоксальными понятиями чести, зовут убогих и сирых на недоступные вершины, или на Голгофу, и служат вечным упреком обывателю, то вторые, выработав негласный кодекс низкопоклонства, морально разлагают страну и день за днем, год за годом размывают в обществе нормальные, не Апостольские, не исключительные — понятия о добре и зле. Обычному праву конформисты не позволяют укрепиться и ратуют за верховенство права государственного, но национальная жизнь крепится тем и другим, в связке, а самодержавие правовой нормы столь же опасно, как и внеправовой произвол.

К сожалению, отечественная литература высокомерно игнорирует опасную тему, демонстрируя тем самым светскость и утаивая подлинных героев эпохи. Можно подумать, после 85 года Россия вернулась в первые века христианства и торжествует приобщение к очищающей тайне. Увы, и церковная жизнь становится светской, церковники не избежали комфортных позывов, там, у клироса, я вижу Чукаревых и Князевых, одетых в рясу, и с теми же бойкими очами. Церковь пала, корысть липнет к рукам служителей. Но я надеюсь на православных юношей. Да избегнут они ханжества!

Но вернемся в лоно гражданского общества. А его нет, гражданского общества. Нам предстоит его создать. Чтобы положить ему крепкие основания, понадобится и крепкий созидатель, независимый человек. А его тоже нет, и прежде всего потому, что созидатель наш нищ и гол. Понадобится время, чтобы появился класс собственников.

Так мы опять возвращаемся к исходному пункту не только моих писем, но и всей русской драмы: Россия приговорена к идеологической борьбе и вражде, ибо нищему иного и не дано. А идеологическое противостояние и вечная гражданская война являются питательной средой такого явления как конформизм.

Наверное, там, на Западе, есть свои конформисты и есть подобающие условия для их вызревания. Наш конформизм качественно другой, беспощадным зрением вижу я питательную почву для отечественных рептилий и перевертышей. И осознаю их анонимную силу.

АКАДЕМГОРОДОК Иркутска — детище хрущевских импровизаций, а приобрел он осанистость в брежневское безвременье. Иногда, в смутные семидесятые, долетали до иркутян ирреальные слухи из Академгородка, мы не придавали им значения. Но в новогоднюю ночь, когда вампиловцы пели, обнявшись: «Крест деревянный, крест чугунный обещал нам в далекой мгле»[1], доктора и кандидаты наук, не поделивши в застольной ссоре пирог обещанных правительственных субсидий, поссорились и приступили — к естественному у образованцев — выяснению отношений. Вызванный наряд милиции прибыл тотчас (у Академгородка своя милицейская точка). Блюстители порядка застали картину, достойную кисти Босха: ученые бросались друг в друга кремовыми тортами и успели обрести розовые и белые парики, подобающие и манишки, — сладкая публика с головы до пят. Приятели по юридическому факультету, осевшие в милиции, развеяли у меня последние сомнения в том, что именно босховские сюжеты воплотились на ночных полотнах новогоднего Академгородка.

Когда пришли благословенные дни свободы, ученые Иркутска, очнувшись, решили сказать гражданственное слово, я не выдержал и поехал за Ангару полюбопытствовать: что столь прекрасно встревожило элиту? Что поднято ее к трибуне?

Высокое собрание заняло огромный конференц-зал, в проходах стояли микрофоны. На сцене у инкрустированных столиков сидели трое: член-корреспондент АН СССР имярек, с другой стороны — некий функционер, председатель, так сказать, дискуссионного клуба Академгородка. А в центре вальяжно поместился чистолицый и улыбчивый Георгий Жженов. Смелая аналогия? — В фильмах, снятых по заказу КГБ, Жженов всегда получится. Я всмотрелся в него, и ущипнуть себя: не может быть! Но когда чистолицего представили аудитории, два видеокадра сошлись в один — это оказался тот самый агент КГБ, что дежурил мой выход из кабинета генерала С. С. Лапина. Из партапаратчиков взрывоопасного Ангарска красавчик перебрался в Комитет, предварительно придушив ангарскую интеллигенцию, и в считанные годы свершил головокружительную карьеру. На этом именитом собрании В. Н. Федосеев представлял КГБ в качестве прямого наследника С. С. Лапина.

Ученая публика млела, слушая раскрепощенную речь гэбиста: ах, иркутский КГБ (и Федосеев тоже) против преследования инакомыслящих; ах, [illegible]б, И; Черных поступили слишком круто (мы-то круто ученые допускали); ах, начальник госбезопасности за многопартийность!..

Единственным человеком, вышедшим к микрофону и посмевшим оспорить лживую речь новоявленного, лучше — новообращенного, демократа, оказался я. Но конформистов Академгородка разражило присутствие отщепенца в привилегированном конференц-зале, где долгие годы спевались они невозбранно с властью, и выпад мой залили розовым кремом и сладкой помадой, наскребли из старых запасов.

Скоро, увидев нешуточный разворот событий, я обратился с кратким письмом в единственную пристойную тогда газету— в молодежную. Но не зряшные слова произнес давно Вадим Бакатин («позиции КГБ как нигде сильны в прессе»). Письмо мое замотали по столам и кабинетам, и предостережение избирателям не увидело свет: «Ну, Борис Иванович, давайте жить в мире», — — сказал, притормаживая бегающие глаза, редактор газеты. Давайте, ребятушки. Жили в мире 70 лет, поживем еще сколько-то.

Внедрение приспособленцев во все структуры новой власти не только в провинции, но и в столице, центростремительно. Скоро они оседлают многоговорящих российских лидеров, спевшись для начала, — а жизнь не успеет поднять к кормилу подлинных вождей, опять мы окажемся в межеумочном положении. На дальних путях не забрезжит этапный вагон, но не у дел окажется орлиное племя, — кто останется у дел? Сакраментельный вопрос. Останутся князевы, чукаревы, федосеевы. А между тем интеллектуальные и организаторские способности поколений, бескомпромиссных в лучшей части, не исчерпаны, и к ним тянется молодежь. Они призваны быть доверительными лицами переходной эпохи, а не конформисты. И если Звиад Гамсахурдия в силу личностных характеристических черт бросил невольную тень на тех, кто отбыл свое там, то я отвечу: и тень тени не положил талантливый диктатор на страдальцев. Когда Вячеслав Чорновил, Сергей Ковалев, Вацлав Гавел держат в руках жезл, — пусть конформисты упрекнут наше товарищество этими именами. Но конформисты затаились. Вчера они блокировались с компартией и ГБ, в апреле 85-го поежились и решили выждать, поддакивая тем и другим, и намекая на свой центризм; в августовские дни 91-го попрятались в норы, а к осени и зиме 92-го оказались в качестве озимых демократических страдальцев.

Что ждет страну, когда ее оседлают перевертыши? Где наш Вацлав Гавел, который, не сворачивая с большака, сумел все же обезопасить нравственный выбор страны? Впрочем, сумел ли? В Чехословакии тоже поднимают голову конформисты, переждавшие в норах грозу.

(Продолжение следует).

[1] Песня Булата Окуджавы.

И МОТОРЫ НА ВЗЛЕТЕ ПРОТЯЖНО РЕВУТ

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

...Один за другим докладывают о готовности к полетам командиры эскадрильи, начальники служб. А полеты сегодня не только в полку военно-транспортной авиации. Кружит над аэродромом истребитель-бомбардировщик. По своей программе летают «бомберы». У них — «фото-бомбежка».

По заданному интервалу, одна за другой выруливают на старт машины. Разбег по «бетонке» — и АН-12 устремляется в небо.

— Полетите, — говорил мне командир полка полковник Калугин, — в экипаж капитана Манько. У нас он самый молодой командир. Манько представился запросто: Олег. Еще моложе помощник командира старший лейтенант Эмильбек Садабаев. В штурманском отсеке старший лейтенант Сергей Смирнов. Бортехника по АДО (авиационно-десантное оборудование) зовут в экипаже по имени-отчеству — Петр Макарович. По-военному — капитан Яскевич. Усатый, в кожанке, капитан Негодов по должности бортинженер. В боковушке пилотской у своей аппаратуры — радист прапорщик Анатолий Савченко. Стрелком, а точней командиром огневых установок в этом экипаже, — прапорщик Палий. Помимо основной семерки в полете два инструктора: капитан Лысенко и старший лейтенант Дорошенко.

Цель нашего полета — произвести выброску парашютистов. Подлетаем к району приземления. Ребята, ведомые майором Александром Агабабовым, подгоняют крепления парашютистов. «Фанаты», — скажет про них Петр Макарович. Парашютисты они опытные, спортсмены. А вот летчики прыжки не очень-то жалуют. «Прыгнешь, и так закрутит, что не сориентируешься, где у тебя голова, где ноги», — это из уст Петра Макаровича.

Растворяются люки. Пахнуло прохладцей свежего ветра. Признаться, жутко смотреть в провал с высоты двух тысяч метров. А ребята вот-вот шагнут в эту бездну. Пока что они, обхватившись, приняли стойку, что у бегунов при высоком старте. Разом отталкиваются, и пошли в затяжном к земле. Раскрываются купола парашютов. Кажется, все в порядке. Еще какое-то время летим с открытым люком.

Скоро и нам приземляться. В иллюминаторе все отчетливей проглядывает земля. Не иначе кто-то пустил пал. Это еще что, скажут ребята, вот чуть подсохнет, страшно смотреть сверху, как тайга полыхает.

Через аварийный люк выбираемся на землю. И через этот же лаз взбираются в самолет сменщики. Так, на ходу, и меняются экипажи.

И года нет, а уже дважды «прославили» эту часть ВТА в «Амурской правде». Вспомним нашумевшее «масляное дело». Именно с этого аэродрома пытались отправить из области партию сливочного масла в Армению. Эта же газета поместила снимок своей редакционной «Волги» на фоне АН-12. Сказано было, что журналисты проникли на аэродром беспрепятственно. А в полку, как и во всех Вооруженных Силах, напряженка с личным составом. В караулы некого выставить.

Ну а если без кавычек, то часть в самом деле прославленная. В июле у полка юбилей. Части полвека. Ждут на праздник ветеранов. И нынешним довелось хлебнуть лиха. Практически все офицеры и прапорщики, кто в полку до 1989 года, побывали в Афганистане. А это, каждый понимает, не курортная прогулка. Несла часть потери в личном составе. 14 человек погибли в Афгане. Есть, разумеется, у воинов-интернационалистов награды. Только вот зашла о них речь, Ваня Негодов махнул рукой. Дескать, в наше время какая им цена? Летали транспортники в Анголу, Вьетнам.

Растаскивают армию по национальным квартирам, и полк в этом плане не фортуны счастливый билет. Вот что рассказал старший штурман полка подполковник Зубарев.

— В бывшем Союзе одно-единственное училище, где готовят штурманов транспортной авиации ВВС. Оно в Ворошиловграде, по-нынешнему в Луганске. Больше половины его выпускников у нас в полку из Украины. И очень много теперь желающих служить в украинской армии. А мы вообще можем оказаться без штурманов.

Представим: захочет Саха-Якутия иметь свои Вооруженные силы. Понадобятся ей свои штурманы и пилоты транспортной, истребительной, авиации дальнего действия, танкисты и танкоремонтники, военные финансисты и журналисты. И если по всем профилям и родам войск, потребуется не меньше как сто военных училищ. Да еще с десяток академий. Реально ли это? И передел армии никак не повышает обороноспособность Вооруженных Сил СНГ. Уговаривал Е. А. Калугин молодого офицера:

— А может, останешься у нас, мы тебя метим на майорскую должность, в академию поступишь.

А тот упорно машет головой:

— Нет, товарищ полковник, дома все-таки лучше...

Военно-транспортная авиация — своеобразное сплетение меча и орала. С одной стороны, выполняет она боевые задачи. С другой — ВТА существенно помогает народному хозяйству. Правда, все меньше коммерческих рейсов. Резкий взлет цен подубавил заказчиков. Десять процентов от этой коммерции — деньги полка. Но не столь просто распорядиться своими, кровно заработанными. Купить несчастный чайник или самовар, рассказывал полковник Калугин, требуется разрешение аж Москвы.

Около аэродрома уйма легковых машин. Кажется, шикарно живут «летуны», что на службу приезжают на собственных авто. Да, было, что большие деньги платили авиаторам. А теперь их жалование — свести концы с концами. Две четверти чистыми в месяц, к примеру, получает на руки Олег Манько. Всего на 80 рублей больше зарплата у подполковника Зубарева, отдавшего армии 20 лет.

Как везде, в ВТА не хватает «горючки», запчастей, стройматериалов. А пока, с каких бы сторон и какие ветры ни дули, взлетают и садятся один за одним транспортные самолеты.

А. НОСОВ,
спец. корр. «АГ».

Н-ская часть военно-транспортной авиации КДВО.

ЕСЛИ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ

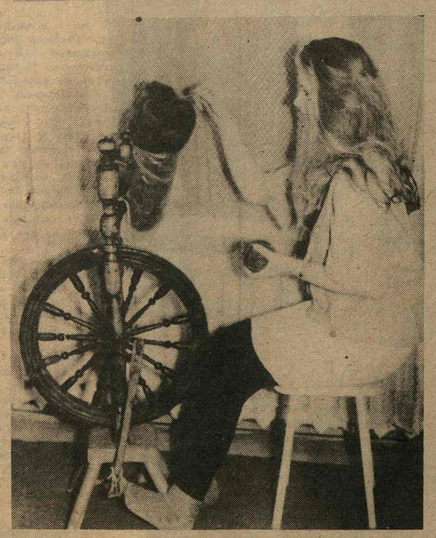


Фото А. АЛАТЫРЦЕВА и В. ПАЛЬКИНА.

КТО КОМУ ДОЛЖЕН?

Директор ОПХ ВНИИ сои Н. Г. Кулешов жаловался:

— Финансовое положение аховое: на картотеке сидим. Такого еще не было. Теперь не можем производить взаиморасчеты с поставщиками. В коллективное предприятие «Партизан» обратились за помощью: один миллион рублей взаймы дали.

Это вовсе не свидетельствует о том, что ОПХ вдруг разучилось работать. Причины в распаде хозяйственных связей, непомерном взвинчивании цен, нестабильности ценообразования. И, конечно, большой объем строительства. А генподрядчик нынче не тот, что был вчера, — три шкуры дерет.

Тогда же Николай Григорьевич поведал и о том, что разорительно заниматься производством молока и мяса. Себестоимость одного литра молока обходится хозяину около семи рублей, а цены закупочные — пять рублей.

— Если государство не даст дотаций или не отпустит цену, то вылетим в трубу, — заявил Кулешов. — Сейчас, чем больше отправляем продукции на приемный пункт, тем накладнее нам.

Вот и хватаются руководители коллективных народных предприятий за голову, задают один и тот же вопрос: Как же быть? Не находя ответа, некоторые сокращают поголовье. Но это дело нехитрое. Не совершаем ли мы непоправимого шага, пуская под нож крупный рогатый скот и свиней? В один миг можно избавиться от поголовья КРС, а что потом? Такими думами поделился с главным зоотехником ОПХ ВНИИ сои В. А. Тепеухов. Виктор Александрович, посмотрев на меня, откровенно признался:

— В самом деле, животноводство загнали в угол. Правда, мы пока не сдаем позиции: справляемся с производством молока и мяса, не снизили поголовье КРС. От каждой коровы получаем молока на четыре килограмма больше, чем в прошлом году. Казалось бы, неплохо. Однако это далеко не так. Посудите сами. В настоящее время цены на все виды услуг возросли в несколько раз. И это не могло не отразиться на себестоимости животноводческой продукции. Один килограмм говядины обходится в 95 рублей, свинины — в 90 рублей. А продаем соответственно за 48 и 50 рублей. Это с учетом налога на добавленную стоимость. Такой расклад никого не устраивает. Необходима финансовая поддержка.

Виктор Александрович обратился к рядом сидящему бригадиру свиноводческой племфермы О. В. Иванцовой:

— Скажи, Ольга Васильевна, сколько мы нынче продали областному племобъединению свиней?

— 482 головы, — последовал ответ.

— Нетрудно подсчитать доход, — сказал Теплоухов. — Вес каждой свиньи — 90 килограммов. Общий вес умножьте на стоимость одного килограмма живого веса — 60 рублей и получите сумму. Подсчитали: 2 миллиона 663 тысячи рублей.

Так вот, — продолжал главный зоотехник, — эта сумма на счет хозяйства не поступила. Племобъединение не перечислило и 400 тысяч рублей за проданный ему молодняк. Фирма оказалась неплатежеспособной — сидит на картотеке так же, как и мы. Вот узел, который надо разрубить.

Естественно, перевод производства на новые рельсы рыночной экономики сложен. Возможны и ошибки, не исключена серьезная корректировка ранее намеченных мер. Тем более нужна глубокая обоснованность выбора путей, комплексный подход к делу.

Сейчас дирекция обстоятельно учитывает опыт других хозяйств, выявляет упущения. Эти вопросы обсуждаются в вышестоящих инстанциях, рабочих собраниях. Делается совершенно правильный вывод: концентрация и специализация производства, развитие кормопроизводства, семеноводства, расширение межхозяйственных связей. Теперь соглашения или договоры будут иметь коммерческий, а не принудительный характер. Тогда не будет всей этой неразберихи, нервотрепки и голодного «пайка», оборачивающихся для трудовых коллективов штрафами и отставшими прибылями, а для покупателей — пустыми прилавками.

Виктор Александрович разъяснил:

— Теперь силос будем готовить по зерновой технологии, отработан «зеленый конвейер». Это позволит поддерживать высокую продуктивность животных в течение всего года. Сейчас ежемесячный доход от реализации молока составляет примерно один миллион 100 тысяч рублей, а можно доход увеличить до полутора миллионов. Но для этого, кроме улучшения качества кормов, следует основательно заниматься содержанием молодняка, сократить сервиспериод, расширить площади под корнеплоды. Волнуют и проблемы строительства. В настоящее время затраты на капитальные и текущие ремонтные работы в несколько раз возросли. И тем не менее, без телятников, коровников, откормочных площадок не обойтись. Такие объекты необходимы в Садовом, на третьем отделении. В общем, если хотим богато жить, то необходимо вертеться.

Это подтвердила и О. В. Иванцова.

— Вот у нас на ферме, — сказала Ольга Васильевна, — 2370 свиней. Это маловато. Плановая цифра 3050. И думаю, что такое поголовье будет. У нас 120 основных и 338 разовых свиноматок, ремонтный молодняк — 1069. В течение года проводим 1,8 тура. Это оборот стада. В нашем деле нельзя допускать сбоя. Если нарушить технологию, то недосчитаешься тысячи рублей. Но подобное исключено. Наши свинарки умеют хорошо работать, добиваются завидных результатов. И пример показывают В. Шмик и Е. Лемещук. Они трудятся на маточнике. В текущем году уже получили 547 поросят. К концу года эта цифра возрастет в три с лишним раза. Не уступают им А. Гриднева и В. Бикмурзаева. На откорме высоких показателей добиваются Н. Хиль и А. Родионова.

Говорили мы и о социальной направленности, бытовом устройстве, рыночных взаимоотношениях. Чувствовалось, что собеседники душой болеют за переустройство деревни, заботятся о лучшей доле крестьян. Осознали бы все нужды селян там, наверху! Глядишь, и веселее пошла жизнь!

Г. СОПОВ,
наш внешт. корр.

Борис ЧЕРНЫХ

ОЗИМИ

(Начало в №14)

Марине П-й

ПИСЬМА ПРОВИНЦИАЛА

РЕКА С ОДНИМ БЕРЕГОМ

ПИСЬМО ШЕСТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Краткое содержание Пятого письма, названного «Русские конформисты». Кто держит на плечах свод небесный? В частном отражении общего. Как ученые мужи Иркутска избрали опричника в депутаты России. Конформисты затаились и ждут своего часа.

ПРОРОЧЕСТВОВАТЬ на Руси стало прибыльным делом. Не хочу и не могу пророчествовать. Здесь, в Шестом письме, я намерен сказать, чем жива Россия вопреки всему, хотя разруха, постигшая нас, превзошла апокалипсические прозрения Достоевского и предвидения авторов «Вех». Ранее я не успел признаться в том, что ксерокопия сборника «Вех» взята была при аресте и послужила дополнительным штрихом при предъявлении обвинения в антисоветской агитации и пропаганде. Ныне драматические события отодвинулись, в повестку дня встали другие задачи. Но застрельщики, или проводники, дня нынешнего ужасающе оторваны от почвы. Под почвой я разумею не огород с баней на задах усадьбы, а обычное право, неписанные нормы которого потрясены, но все равно формируют изнациональный уклад.

В письме Первом я обронил строки о том, что был приглашен амурским войсковым атаманом на казачий круг.

Малая и милая родина на вялотекущем, державном Амуре в отошедшее лето оставила двойственное впечатление. Наслушавшись в метрополии о казачьих играх да начитавшись заполошных московских опасений об урядницкой нагаечке, мы с братом не без иронии вошли в сумятицу событий, подготовленных инициаторами круга.

ЗАЧЕМ Амурское войско поднимать из праха? Куда подевать Советскую власть в левобережных селах, если казачье самоуправление восстановит свое достоинство? Пойдут ли гураны на заимку или останутся в колхозах? На вопросы мои Георгий Николаевич Шохирев отвечал ясно и просто: «Может ли быть река с одним берегом? Во! А они семьдесят лет водили за нос народ, и мы поверили, что у Амура один берег, и тот затянут в колючую проволоку»[1].

Уставшая от пустых комсомольских затей, на круг сошлась и съехалась молодежь. В костеле, отобранном коммунистами у католиков и отданном теперь православным, освятили войсковое знамя, верхами провезли по Благовещенску. Жаркий день способствовал славному ритуалу. У гарнизонного Дома офицеров толпа приветствовала Шохирева и соратников его криками одобрения, в толпе я видел горожан, одетых нарядно, были и в посконном.

Приготовился ли партаппарат к неожиданному повороту событий в тишайшей из российских земель? Поначалу было ощущение заготовленного сценария, и крутились кадровые функционеры, пресса отмалчивалась, застигнутая врасплох возрожденческим движением снизу. Шохирев вел себя скромно и сдержанно.

Скоро круг вошел в непредсказуемую борьбу самолюбий и позиций, и я заметил, как атаман ожил и поднялся, вырос. Диво дивное, из дальней станицы Черняевской, не обученный трибуной лукавым ее прихотям, Шохирев тем не менее чувствовал себя в седле.

Позиций обнажилось две: верхняя, назову ее верхней, хотя верховскими-то были казаки, съехавшиеся из станиц, расположенных выше Благовещенска, и нижняя; нижними оказались делегаты благовещенские, и среди них ставленники партии, — но верховодить попытались большевички, давившие и подавившие на Амуре самостийную, вольную жизнь. На роль кандидатов в войсковые атаманы засланы из кабинетов отменные бойцы, прошедшие выучку в политорганах, среди них преподаватель марксизма-ленинизма местного общевойскового училища, отрастивший по такому поводу усы и длинные лохмы, под батьку Махно. Дородная его фигура, в черной папахе и полковничьих погонах своеобразно украшала Дом офицеров. Вторым был боевой генерал, из Афганистана; генерал явился в штатском, но подтянутость и моложавость генерала внушали доверие. Да вот беда — в казачьих делах афганец был, что называется, ни уха, ни рыла. Глядя на фронтовика, я вспомнил Сеню, ярославца, сбившего мне терем в Даниловском уезде, и несчастных мучеников Омской психушки. А противостоял кандидатам в атаманы от партии молодой и дерзкий парень, донских кровей, по профессии скульптор (позже я наведаюсь в его мастерскую и открою, что и здесь, в художественной мастерской, прописана афганская тема — скульптор готовил монумент, посвященный войне и ее героям).

Сам Шохирев не выказывал малейших позывов к атаманскому поприщу, но именно потому и выигрывал состязание у честолюбцев.

Удержать булаву в достойных руках помог совет стариков. И откуда он взялся, право, столь крепкий в убеждениях и принципах, забытых толпою? — С полей Отечественной, многострадальной, но святой, пришли эти старики, поднявшие из сундуков ветхие регалии и мундиры, и оказались в рост событию. Совет стариков повел себя круто и пренебрег аппаратными наставлениями и увещеваниями; в обстановке открытой борьбы ветераны предрешили победу над посланцами партии. В иных русских землях, кажется, вышло навыворот. Но и там скоро все вернется на круги своя, если перевертыши не собьются в стаю.

Стояли благословенные, солнечные дни. Мы бродим по городу. С китайской стороны красный цвет полотнищ заметно потускнел, а в Благовещенске полно узкоглазых купцов, цены они заламывают сумасшедшие. На набережной Амура то тут, то там мелькают белые и черные папахи и светятся желтыми молниями лампасы с широких шаровар. Рядом с родителями шествуют отроки в казачьей форме. Здесь и маленький Шохирев, в сапожках и при погончиках, милый мальчонка, не догадывающийся, что над головой отца занесена смертельная секира.

Для моего брата, Геннадия Ивановича, июльские дни на родине были днями позднего прозрения. Фронтовик, всю жизнь носивший в военном билете портрет генералиссимуса, он очнулся, увидев своих ровесников, и вдруг вспомнил о казачьей родословной, и упреки мои, ранее адресованные брату, пожухли за ненадобностью.

Я познакомил брата с бывшим капитаном Амурского гражданского флота Владимиром Михайловичем Шатковым. Шатковы из древа кожевенников, чья упряжь, чемоданы, обувь чистой кожи пользовались спросом в Хабаровске и Харбине.

Шаткова знает все Приамурье не только в качестве капитана сухогруза, но и в ореоле страдальца: в разгар афганской авантюры Владимир Михайлович, спасая сына от участия в неправедной войне, перешел Амур, и попал из огня да в полымя. Скоро два китайских офицера бежали к нам, и державы устроили обмен. Здесь Шатковых, отца и сына, ждало испытание на излом: сына отправили за колючую проволоку, а отца заточили в Благовещенскую тюрьму-психушку, оба они выдержали пытку, но отец тяжело возвращается в прежнее нормальное состояние. Разум его ясен и чист, но сердце подорвано. Спасает устроенный быт — у Владимира Михайловича крепкий наследственный дом, богатый огород, Толя с внучкой навещают отца и деда.

Когда-то, во времена коллективизации, дед наш, Дмитрий Черных, тоже не вынес красного террора, перешел Амур и поплатился жизнью.

Шатков-старший пристально следит за эпопеей возрождения казачества, он встретил нас счастливым вздохом:

— Не чаял дожить.. Поднимается Россия. И казаки слово свое еще скажут. Наипрежде всего они вернут Приамурье к земле, так я думаю.

Да будет по Шаткову. Земля всему голова.

Поднятые Муравьевым-Амурским, предки наши пришли сюда из Забайкальских степей, оседлали дикие пожни, раскорчевали леса, возвели тысячи заимок, развели крупный рогатый скот. Когда П. А. Столыпин отстоял идею Амурской железной дороги, — а ему противодействовали в этом социал-демократы, — край процвел не только экономически, но и нравственно. В областном архиве я отыскал ежегодные отчеты Войскового атамана правительству: по всему русскому берегу (сотни станиц, посадов, поселков) не было преступлений. Год за годом ни грабежей, ни насилий, ни воровства. Лишь единичные случаи конфузных историй, связанных с ханьшином, китайской водкой, приводятся в докладных. Не знали станицы ни поджогов, ни идеологических расправ. Торговля с китайцами шла через таможни, но казачьи заставы смотрели сквозь пальцы, когда разноплеменные берега осуществляли соседские связи. Не межгосударственный правовой режим господствовал здесь, а обычай, при негласном верховенстве права. Амур бороздили грузовые и пассажирские пароходы. Зейская долина, житница Дальнего Востока, кормила хлебом обширный край. Потом былое стало мифом. Пароходы не возят пассажиров. Подорвано сельское хозяйство, разорваны торговые связи — жизнь обмерла, и холод вошел в дома пограничья. У реки оказался один берег.

Мы прощались с атаманом Шохиревым, не допуская мысли, что расстаемся навеки, он одарил меня удостоверением амурского казака под номером первым, я был растроган. Я сказал ему, что постараюсь вернуться на родину, а он взял с меня слово, что я напишу об амурских казаках работу, которой достойны предки. «Смотри, — напутствовал Шохирев, — не опоздай».

ПО ПРИБЫТИИ на Волгу я не мог забыть его прощальной речи, а утром, 19 августа, услышав по телефону о танках на улицах Москвы, с душевным трепетом понял, что Георгий Шохирев провидчески видел угрозу нашим надеждам. Что ж, оставалось стоять до последнего.

Чиновный Ярославль затаенно выжидал развития событий; я посожалел, что отдал руководство газетой в другие руки. Но мы собрались всей редакцией, приняли обращение, написанное мной, «Нет перевороту». После небольшой заминки твердо прорезал голос председателя областного Совета Александра Николаевич Веселов. Мы были с ним в контрах, он считал, что газета, во главе которой поставили отсидента, ведет себя слишком независимо, но 19 августа подтвердило мою правоту, мы встретились и примирились. Веселов гарантировал, что, покуда хватит сил, «Золотое кольцо» будет выходить ежедневно. Мы подняли тираж в розницу, газету расхватывали в киосках и с рук в первые минуты. Прекрасно повел себя Юлис Колбовский, заместитель Веселова.

Диковинно — не прерывалась связь с Москвой. Я предложил Лену Карпинскому, чтобы остановленные «Московские новости» воспользовались нашими газетными площадями, Лен согласился, мы выслали в столицу гонца и успели дать разворот — эти страницы останутся в истории, как и то, что говорили мы сами.

Вообще эти четыре дня были звездными для провинциальной интеллигенции, но раздвоение положило черту между охранительными и творческими ее слоями. С Львом Дмитриевичем Растегаевым, руководителем Демократической партии, мы вошли в кабинет первого секретаря обкома КПСС А. Калинина. Ставленник номенклатурных кругов города Рыбинска, Калинин в дни путча попытался консолидировать коммунистов на платформе Крючкова и К°, отобрал у демократов Дом политпросвещения, созвал директоров заводов и потребовал «усилить воспитательную работу в пролетариате», и ему удалось кое-где и кое-что.

На второй день мы попытались пробиться на моторный завод, там десятки тысяч народу, — но плотный кордон не пропустил на территорию моторного. То же было на судоремонтном и химкомбинате.

Но с Растегаевым мы вошли к 1-му секретарю обкома, когда дело ГКЧП было проиграно, я увидел, что он не способны даже достойно уйти. Калинин походил на подавленного червя, и мне стало невольно его жаль.

А в редакцию в те дни шли группами и в одиночку наши доброжелатели и соратники, мы даже не догадывались, что у нас так много друзей. Один из лучших воителей на областном телевидении Саша Цветков признался публике, что наша газета отстояла честь ярославской журналистики, в то время как респектабельный «Северный рабочий», печатая директивы ГКЧП, скомпрометировал себя окончательно.

Но и на Амуре, и здесь, на Волге, сохранялось ощущение двойственности происходящего; пытаясь постигнуть ее природу, я написал статью «Мы вышли из партии, но партия не вышла из нас», — в роковые дни надо было стоять насмерть, мы стояли, но далее мы оказались в нелучшей ситуации: победителей, которые должны преследовать побежденных, — я оказался не готов к роли гонителя, а голос Собчака из Петрограда о неэтичности поиска ведьм укрепил меня в невозможности преследовать коммунистов.

Но 19 и 20 августа я, как некогда Николай Михайлович Карамзин, алкал пушечного грома, чтобы он смел красную нечисть с русской земли.

Когда крючковская авантюра захлебнулась, мы с Майей вышли к набережной. Медлительные баржи и многопалубные теплоходы несли теплые бортовые огни, у пирса торговали шашлыками и пивом на разлив; у памятника Некрасову смеялись дети. А тяжесть в сердце не отпускала. У меня было предощущение тектонического сдвига по всей огромной России, и я не сильно верил, что взошедший на танк с бумажкой в руках Ельцин справится с разломом. С танка не говорят по машинописному тексту. Следовательно, думал я, наш герой не Дмитрий Пожарский. Кто же тогда умиротворит Казань, поднявшую голову в самом центре России? Кто достойно ответит Украине, которая заявила права на священные камни Севастополя? Кто пристыдит пять тысяч евреев в Биробиджане, объявивших, в ряду 95 тысячам русских и украинцев, новую республику на Амуре?.. Но, не видя разлома, не желая признать угрозы распада России, ее родового гнезда, самозванцы от демократов, продолжают вопить о правах человека и ужасаются государственников Соединенными Штатами. Можно подумать, что в войне Севера и Юга американцы боролись не за единство страны, а всего лишь за права черного меньшинства.

ПРИШЕЛ черед сказать о величии России. Нам, а не отсидевшимся в теплых кварталах и креслах патриотам, принадлежит это право. Мы взяли его кровью и мужеством, мы не уронили себя по кочегаркам и Ботаническим садам, по тюрьмам и политзонам. Вернулся бы на родину Солженицын, нации нужен отец. Не медли, отче...

Двадцать третьего августа, посетив Москву, я увидел безумевше-счастливый город. Я не выдержал и пошел туда, куда повлекла народная река — к Манежной и Красной площадям. На Манежной с высокой трибуны кликушески взывали к духу... Тельмана Гдляна. Нашли Козьму Минина! Я немедленно покинул Москву и вернулся на хутор. Зрительный образ мучил меня: у реки остался один берег, и на том берегу с каменного пьедестала говорит следователь прокуратуры, праведник с блудливыми глазами.

Хутор не сразу, но вернул присутствие духа. Иван Кравцов, с весны выручавший то косой, то плотницким топором (топор он давал, вздыхая — «ни бабы, ни топора в иные руки не дается, Иваныч»), прибегавший не раз с жаждой опохмелиться, на сей раз трезв был как стеклышко. Мы осмотрели вначале его угодья, они были тучными, и стояли зароды свежего сена за селом.

— Почему ты, Иван, не выйдешь из совхоза? У тебя все получается, и сыновья выросли? — спросил я его.

— Выйти недолго, — сердито отвечал Кравцов, — а оне в Москве передерутся и погонят нас снова на обчий коровник. Как быть, Лизавета?

«Как быть, Лизавета?» — любимая его присказка. Лизавета — супруга Ивана, сильная, но кроткая женщина, быстрая, однако не суетливая, всегда молчаливая, но стоит Ивану перебрать, она начинает его пилить принародно, на что Иван смиренно отвечает: «Как быть, Лизавета?» — полное признание фатальной безысходности, и Лизавета понимает безысходность, одновременно подчеркивая, что судьбу не переберешь, как старое прясло. А трезвый Иван — чистое золото мужик. Дети твои, Марина, были бы сейчас с молоком и сметаной, если бы Иваны Кравцовы сделали окончательный выбор и предпочли вольное землепашество. Потому что не сметана и не молоко предшествуют свободе частного лица, а свобода частного лица есть условие изобилия на прилавке. Но ни свободы лица, ни сметаны не будет, — а именно этого пока не поняли самозванцы-демократы, — если крепкая власть в единой и целостной России не воплотится в явь.

Назавтра Иван пришел с ответным визитом, чтобы оценить мой первый опыт в Даниловском уезде. Я малость смутился, ибо не успел убрать с гряды побитые августовской ядовитой росой помидоры, взрывшие на кусту. Иван немедленно раскритиковал меня. Я сослался на события, отвлекшие в Ярославль и в Москву. Мужик отвечал, что события событиями, а главное огород, я не посмел оспорить суконную правду.

Но Иван увидел развернувшиеся огромные уши табака и уцелевшие после нападения тли вилки капусты, оценил и гирлянды жестяных банок, оборонивших картошку от диких кабанов, — и одобрил поселенца.

Пока я хвастался огородом, прошли мимо усадьбы смурные мужики, притормозили и осмотрели недобрым взглядом дом.

— Вишь, — высказал предположение Иван Кравцов, — ты у них бельмо в глазу. Живешь вольно, и дом у тебя барский.

— Знаешь, кто такие?

— Известное дело, шебруны.

— Кто, кто?

— Дармовым живут. Настригут белых грибов и на Даниловский рынок. Шебруны и есть.

Грибы летом. А зимой, что они делают?

— Зимой в примаках и в берлогах. Легкий народец, не приведи Господь.

Я заварил у летней печурки крепчайшего чая, чаем мы и причастились. Жена подала нам по лепешке прямо со сковороды.

— Может, я бы и ушел с под совхоза, — продолжая отвечать на вчерашний вопрос, говорил Иван, сворачивая самокрутку (с сигаретами в очередной раз начался кризис), — но опять сомнение. Ране больного отца сын прибирал, а кто теперь приберет старика? Пенсию кто начислит, если я не совхозный-колхозный?

— Община деревенская, — отвечал я. — У казаков община создает фонд и ведет одиноких до могилы.

— Вишь, обчина, — думно согласился крестьянин. — А у нас каждый сам по себе. Как быть, Лизавета?

Он откланялся, но за воротами сказал: «Надо жить здесь зимой и баню срубить. Потому топор я тебе дарю, Иваныч», — и пошел лугом к Уздечке, снял на ходу яблоко, оглянулся, красивый. Трезвый Иван всегда красив в неполные свои пятьдесят лет.

Жива и будет жива Россия, покуда есть у нее Иваны Кравцовы.

Я надеялся, что событийный ряд 91-го года исчерпан, и сидел до обеда за письменным столом. Майя закатывала в банки соленья и варенья, после обеда приходил я на помощь.

КАК НЕКОГДА в Ботаническом, я сортировал овощи, чтобы зимою знать, откуда что взять. Боясь шебрунов, мы сняли яблоки и рассыпали их в горницах по полу. Тонкий и свежий запах антоновки окутывал, едва мы входили домой. Ночью, потушив свечи, — совхоз отрезал электрические подводы на хутор, — мы бормотали и уходили в сон, чувствуя на губах привкус яблочного налива.

С урожаем получилось не очень щедро, но все же, все же: семь отборных кулей картошки, два мелкой (садил один куль и два ведра), два ведра моркови, и не выкопали пока подходившую свеклу. Пять связок лука и три чеснока, пять банок помидоров (кое-что уцелело после августовской росы).

Клубничного и малинового варенья получилось восемь трехлитровых банок.

Яблок сняли восемь ведер.

Не уродились патисоны, погиб почему-то в завязи горох, и завязь огуречная внезапно сникла, хотя обещания были велики.

Оставались на грядах капуста, табак и частью укроп.

Я скосил мяту, поднял на чердак. Не удержался и заготовил две двухлитровых банки хрена (для гостей приправа, а для меня, к сожалению, отрава).

Завершая сбор урожая, я опять увидел у ручья смурных мужиков. Они запалили на стерне костерок и неизвестно что на нем варили.

Спохватившись, подзуженные шебрунами, мы сделали запоздалые набеги в лес и приготовили к зиме несколько банок опят.

К восьмому сентября я успел все припасы складировать в холодном подвале с бетонным полом (грызуны не могут проникнуть в подвал). Потом поднялся на чердак и осмотрел слеги, увешанные липовым цветом, тысячелистником, ромашкой и корнем калгана (калган накопал по совету Вадима Полторака, настойкой его можно останавливать нутряные недомогания). Может быть, мы не обезопасили себя на год, но голод нам не грозит даже при самом тяжелом кризисе, а главное — теперь у нас все свое и экологически чистое. Я был удовлетворен, хотя урожай дался натужно.

Мы пили прощальный кофе. Неосознанная тревога поднялась меня, я собрал листы рукописи Писем из провинции, черновой вариант, уложил в рюкзак, хотя, честно говоря, не до рукописи было — решили вынести к тракту яблоки. Но дым костра из-за ручья наплывал на усадьбу, шастал по комнатам, мешаясь с запахом антоновки.

На всякий случай мы забрели к Василию Захарову, его изба неподалеку оставалась единственной обитаемой на выселках. Я оставил ему ключи от дома и просил присмотреть за усадьбой. Василий отесывал бревна, собираясь подвести новые венцы.

Через день сосед наведался к нам, вошел в горницу, чистые полы смутили деликатного мужика. Потоптавшись у порога и сочтя запах антоновки лучшим свидетельством благополучия, он вернулся к плотницким делам.

А назавтра утром поднялся над теремом столб огня и дыма, и к обеду жизнь, предощущаемая мной вдали от сует и городской нищеты, ушла прахом в осеннее небо.

Вот и не погостила ты с девочками в тишайших из лесов, Марина. А Глебу в хуторском застолье не успел сказать я заветных слов, которые в Москве не смогу произнести.

Перенесши удары более жестокие, я изготовился философически принять и этот удар. Мечтая всю жизнь о загородном доме, я прошел круги ада, чтобы на реабилитационные деньги купить этот сказочный терем и потерять его в одночасье.

Сожгли мой домик в Ботаническом саду Иркутского университета, там кому-то мешало вещественное напоминание о судьбе изгнанника. Пришел черед и здесь вдохнуть гарь пожарища...

Я маялся, скитаясь по улицам Ярославля. Надо было удалиться к внукам или к Вадиму Полтораку, или к Шаткову на окраину Благовещенска, но кружил я в заколдованном кругу: Волга, причалы, Знаменские ворота, — повсюду преследовал горчичный запах пепелища, смешанный с нежным запахом антоновских яблок. Приехали дочь с внучкой и дежурили около, когда я уже не смог встать. В лазарете счет пошел на ампулы, из которых янтарная влага часами стекала в вены. Доктор сказал, что меня поднимет сильный характер, и характер поднял меня. Но на смену пришла другая, невнятная тревога. Однажды так было — я во Владимире почувствовал гибель Левы Зильберберга (а он на берегу Золотого Рога скоропостижно и необъяснимо уходил из жизни), и я метался по старинному городу.

Телеграмма, или известие, не заставила ждать себя. В ней было четырнадцать слов: «Мой дом и усадьба в Черняеве сожжены маньяком. Лежу в районной больнице. Шохирев».

Я попросил дочь взять из малых резервов деньги, отправить в Черняево и обратился в амурские газеты кликнуть на помощь семье атамана всех, кто откликнется. Зима на Амуре не ровня мягкой зиме на Волге, и надвинулись морозы, а городской крыши у войскового атамана не было. А власти бездействовали. Благоевщенцы же мне сообщили, что Шохирев убивается по старинным атрибутам казачьего уклада, он собирал их всю жизнь.

Издалека, не зная всей меры потрясения, я тоже надеялся на сильный характер Шохирева, и уговорил себя потихоньку вернуться к столу.

В канун Нового года пришла еще одна телеграмма: не приходя в сознание, Шохирев скончался — на больничной койке.

Глава областной администрации А. А. Кривченко на мой запрос о немедленной помощи семье погорельца все же отозвался: «Необходимое сделано», — необходимое надобно было сделать, пока дышал атаман. Но и за то спасибо. Есть надежда, что мальчик в белой папахе, Коля Шохирев, вырастет и продолжит дело отца.

Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? —
А жаль того огня,
Что просверкал над целым мироздaньем
И в ночь идет, и плачет,
уходя.

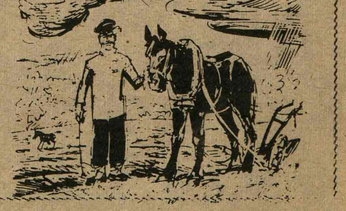
Постскриптум.

1. Недавно, но на сей раз из Иркутска, я получил конверт, вскрыл его. Там лежала вырезка из молодежной газеты, первостраничное сообщение: ... «В кровавых вильнюсских событиях замешан генерал КГБ Федосеев, депутат России, ставленник Сибири»...

Поздноватое прозрение, ребятушки. Но лучше поздно, чем никогда, — и берега сойдутся у русских рек.

2. Сгоревший дом отозвался долгом в четыре тысячи рублей, и здесь, в горечи, Фазиль Искандер пришел мне на помощь.

Страждут озими...



---

[1] Уместно сказать, к лету 1991 года колючую проволоку, огородившую русские станицы на Амуре после событий на Даманском, убрали почти повсеместно, но в душах ограда осталась.

Автор.